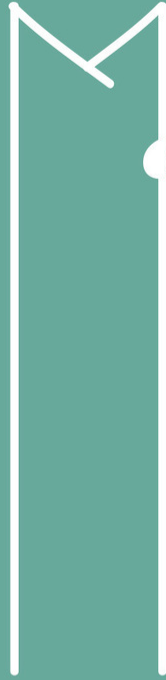

ндрей

акаревич

старые и новые

Авторская проза А. Макаревича

Андрей Макаревич

Рассказы. Старые и новые

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)-6-44

Макаревич А. В.

Рассказы. Старые и новые / А. В. Макаревич — «Издательство АСТ», 2020 — (Авторская проза А. Макаревича)

ISBN 978-5-17-119728-5

Впервые опубликованный полный сборник рассказов Андрея Макаревича, написанных в период с 2007 по 2020 год. Наброски из прошлого и настоящего передают ритмику жизни, заметки и наблюдения, выявляют различные стороны человеческого бытия. Яркие, колкие и ироничные рассказы дарят энергию, пищу для размышлений и лишний повод для радости.

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)-6-44

ISBN 978-5-17-119728-5

© Макаревич А. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Зов	6
Честь	8
Сигары	10
Колея	12
Вначале был звук	13
Звуки детства	14
И снова про Битлов	21
Что такое музыка	24
Слова и ноты	27
Как написать песню	29
Про инструменты	33
Барабаны	34
Про бас	38
И еще раз про гитару	41
Человечество глохнет	43
Чудеса	46
Архитектурному	47
Благородство	49
Владивосток	50
Маленький гимн метро	51
Джаз	52
Звонок телефона в осеннем лесу	53
В зимнее время года	54
И снова о пьянстве	55
К Бабе-яге	57
Немного о сострадании	58
Нечаянная радость	59
Оборотень	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Макаревич

Рассказы. Старые и новые

© А. В. Макаревич, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Зов

У приемника было имя – «Филипс». И имя, и внешность выдавали в нем инопланетянина. Я уже видел у товарища чудо рижской радиотехники – «Спидолу», она и задачу свою выполняла почти так же, и звучала почти так же, но вид отекшей мыльницы, родовая печать социализма, не давал ей шансов. «Филипс» был нарисован совсем иначе – какая разница, казалось бы? Я даже не смог бы объяснить, сколь огромное это имело для меня значение. И не потому что я собирался форсить с ним перед друзьями – из дома «Филипс» выносить было нельзя. Нет, лично для меня. Как добиться элегантности от простого прямоугольного пластмассового ящичка? Наверно, надо много-много лет каждый день рассматривать, держать в руках и рисовать предметы исключительной красоты. И только их. В стране победившего социализма это было невозможно по определению. Оставшись в комнате один, закрывал дверь, брал его в руки бережно, в который раз рассматривал, не включая. Пропорции не совсем обычные – чуть больше чем полтора квадрата, книзу чуть-чуть увеличивается в толщине – ровно настолько, чтобы увидеть это не глазами, а ощущением, всё на чуть-чуть! Задняя его половина из ярко-красного материала, по периметру примыкает хромированная антенна формы буквы «П» – откидывается вверх одним движением. Фасад белый, по верхней части проходит ослепительная шкала – окно в мир. Наша часть этого мира еще не знает слово «металлик», но сейчас могу сообщить, что цветом шкалы являлся именно светло-голубой металлик. Шкала не подсвечивается, да это и не надо – она и так горит огнем. Слева от нее выступает из корпуса колесико, это громкость и одновременно включение. Щелк – и рядом загорается невозможно оранжевым цветом крохотный кругленький глазок. Цвет такой яркий, что кажется, что это лампочка. Ночью в комнате видно – нет там никакой лампочки, просто цвет такой. Справа от шкалы – такое же колесико, оно плавно гоняет влево-вправо тонкую бордовую вертикальную стрелочку – это настройка. Дома у нас стоит пузатая лакированная радиола «Эстония» – она скорее мебель, чем прибор. На черной стеклянной шкале ее изображены косо расположенные прямоугольнички, под ними надписи: Копенгаген, Рига, Ливерпуль, Осло, Рейкьявик... Это красивая художественно-политическая фантазия времен оттепели – никакого отношения хрипы и обрывки иностранных фраз, вылетающие из «Эстонии», к этим городам не имели. На моем «Филипсе» на шкале – только цифры. 31, 39, 42, 49 – короткие волны. И всё совпадает! За гудением глушилок прячутся вражеские голоса. «Программа «События и размышления». У микрофона Виктор Французов». Мне плевать и на события и на размышления – у Битлов вышел новый альбом, они же не могут об этом не рассказать! Ведь это и есть настоящее событие!

В субботу вечером вся семья на даче в Валентиновке. Вечером пьем чай на терраске. Стемнело. Видимо, глушилки не добивают до нашего дачного поселка – папа крутит «Филипс», внезапно отчетливо раздается «This is the voice of America from Washington, Jazz Hour» – невероятный баритон Луиса Канновера. «Сделай тише, соседи кругом!» – строго командует бабушка. Бабушка знает, о чем говорит.

Но мой космический зов, мой далекий очаг неизвестных науке вибраций – это «Radio Luxemburg 208». Двести восемь – это их частота, средние волны, это совершенно аполитичная радиостанция, которая двадцать четыре часа в сутки крутит свежую музыку. Никто их не глушит, просто они, видимо, не такие мощные, да и средние волны до нас еле долетают. Они приходят ко мне с другой планеты. Во всех отношениях. Они пробиваются из последних сил. Поэтому каждый долетевший звук бесконечно ценен и заряжает меня неведомой мне энергией. Я это чувствую каждой своей клеткой и больше всего хочу, чтобы это никогда не кончалось. Через пару часов глаза начинают закрываться, звуки визуализируются, я вижу этот волшебный мерцающий свет на самом краю вселенной, мне кажется, я даже могу разглядеть богоподоб-

ных людей с длинными волосами и невероятными электрогитарами – у меня никогда не будет такой, я вижу, как их пульсирующая, небесная музыка продирается ко мне сквозь радиопомехи – они похожи на дырявые колючие облака, они тут и там, но музыка сильнее – какое это счастье! Спросите, кого я там слушал? Всех, кого передавали. Иногда узнавал Monkees, Dave Clark 5, Hollies, Kinks – и радовался им как старым знакомым. Кажется, они мне тоже.

Сегодня я часто думаю – а что было бы, если бы эта станция звучала в те годы из каждой радиоточки вместо «Радио Маяк»? Всех последствий предсказать не берусь. Но то что она потеряла бы большую часть своей магии – это точно. Она перестала бы быть Зовом. Ибо большое видится на расстоянии. А если расстояние с препятствиями... В результате просто хорошая музыка, пробиваясь через дырявый занавес, превращалась в несокрушимый заряд света и любви. И если угодно, бесстрашия.

Знаете, от чего рухнул совок? От страха. Он всегда рушится от страха.

Честь

Рано утром мне позвонил Лева Гушин. Служил он тогда главным редактором «МК» (тогда еще, кажется, «Московского Комсомольца»), был моим старшим товарищем и периодически получал по голове за только что появившиеся в газете хит-парады, это была новая игрушка в нашей стране, и музыканты и фаны музыкантов ждали их выхода с нетерпением и трепетом. «Машина времени» там соседствовала с Валерием Леонтьевым и группой «Аквариум». Престарелая советская власть не любила всех трех одинаково – смешно, правда? Вот Лева и получал.

Голос у Левы был встревоженный. Он сказал, что в «Комсомольской правде» вышла скверная статья и надо думать, что делать. Я побежал на улицу за газетой. Ах да! Дорогие юные читатели! Интернета, как и компьютеров, его транслирующих, в природе еще не наблюдалось, и новости распространялись через радиоточку (FM тоже еще не родился), три, кажется, канала телевидения и главное – через газеты. «Советская печать – не только коллективный вдохновитель и агитатор, но и организатор». – Ленин сказал. Не хухры-мухры. В этой связи вишневого цвета киоски Союзпечати располагались в городе повсеместно. Утром к ним выстраивались очереди.

Статья оказалась мерзкой – надергали невпопад строчек из песен (половину из «Воскресенья»), снабдили положенными эпитетами («опасные инъекции сомнительных идей», «ноют о придуманной жизни» – это примерно как сегодня «русофобы» и «пятая колонна», привели в пример «страстные монологи Высоцкого», которого они сами гнобили два года назад и довели до могилы. Подписала этот донос группа никому не известных деятелей культуры, но возглавлял ее тяжеловес – Виктор Астафьев, писатель, книги которого я очень любил. Вот те и раз.

На следующий день в Росконцерте, где мы уже работали, срочно созвали худсовет с представителями министерства культуры – на такой сигнал следовало реагировать немедленно, ЦК ВЛКСМ это почти ЦК КПСС, там шутить не любят. Ах да! Дорогие юные читатели! Это сегодня, прочитав в Сети «ты козел», можешь немедленно ответить «сам козел», и оба получите удовольствие. А в давние времена полагалось не огрызаться, а, наоборот, тотчас принимать меры в соответствии с указаниями. Это называлось «сигнал был услышан». И согласно уровню и тону сигнала указанный ансамбль следовало в срочном порядке расформировать и об исполнении доложить. И расформировали бы, не сомневайтесь – и не таких разгоняли. Нас сняли с маршрута, отменили дальнейшие гастролы, выдали белые рубахи для расстрела. Наутро обещали священника. Но – случилось чудо. В редакцию «Комсомольской правды» повалили письма. Сотни тысяч писем. От отдельных людей, школьных классов, научных лабораторий и целых воинских частей. Возмущенные письма с требованием восстановить справедливость. Эти письма складывали в мешки, жгли во дворе редакции, но количество их не уменьшалось. И оплот идеологии дрогнул. Ах да! Дорогие юные читатели! Это сегодня ваше письмо власть не заметит. А если их будет много, скорее всего решит, что это происки Госдепа. А в те давние времена письма трудящихся приходилось замечать. И даже как-то на них реагировать. Поэтому расстрел заменили на бессрочный отпуск за свой счет. А газета уже через две недели выдала целую страницу игривой полемики – дескать, вот какие разные у нас, оказывается, читатели, кто-то, конечно, согласен со статьей, а кто-то и нет, их, разумеется, меньше, но хотите – почитайте их письма сами. Давайте спорить. Мы не могли поверить – на наших глазах происходило чудо, и это чудо никак не вписывалось в правила советской жизни: уж если за кого брались, то добивали. Примеров было достаточно.

Одно письмо написал двадцатишестилетний экономист Анатолий Чубайс. Оно сохранилось, он подарил мне его не так давно. Написал не в газету, а прямо Виктору Астафьеву, где на четырех страницах, приводя строки из наших песен, доказывал, в чем неправы и где откоро-

венно врут авторы статьи. И Астафьев ему ответил! Ответ меня поразил. Цитирую фрагмент: «Наверное, мне не стоило подписывать письмо против этих машин, сидящих в виде моли на пиджаках чужого покроя, украшенных орнаментами с берегов мертвого озера...» О как.

На самом деле не слышал, конечно, Астафьев ни наших песен, ни о «Машине времени» вообще – нашептали ему комсомольцы о еврейчиках, поющих с чужого голоса – он и подписал. О чем жалел впоследствии. И даже рекомендовал мои стихи в один литературный журнал – я и не просил.

Теперь о чести. Вы думаете, это я про то, как с помощью сотен тысяч поклонников «Машина» смогла отстоять свою честь? Нет. Я про честь каждого, написавшего письмо в нашу защиту. Ибо именно честь не позволяет человеку стоять в стороне, если кого-то бьют не по делу. Честь вообще неудобная вещь. Сродни совести. С честью долго не живут. Сравните – Молотов, Каганович. А с другой стороны – Пушкин, Лермонтов. Всего-то отсутствие или наличие этого странного качества.

Интересно бы было в сегодняшней школе задать сочинение на тему «Честь – что это такое». Боюсь, не ответят. Не поднимут тему. Зато легко объяснят, что означает выражение «Ничего личного». Даже я могу объяснить. Это означает – ты мне настолько безразличен, что мне и в голову не приходило тебя оскорбить или унижить – просто обманул и всё. Или ограбил. Или убил. Чисто бизнес.

Недавно листал удивительную книгу – «Дуэльный кодекс», издание 1912 года (не первое – четвертое! Притом что дуэли запрещены), по толщине приближается к уголовному кодексу России. Серьезнейший свод законов и правил – степень нанесенного оскорбления (их, если интересно, три), степень ответственности в зависимости от тяжести этого оскорбления – что можно разрешить извинением, что – нет, правила вызова на дуэль, выбор оружия, условия проведения дуэли... Всё ради спасения чести. Опасное, дорогое удовольствие – честь.

Многие думают – случилась у Пушкина дуэль, его на ней и убили. А было у Пушкина за его молодую жизнь двадцать шесть дуэлей – нормально? На последней не повезло. И всё личное.

Ничего личного, говорите?

Сигары

В самом начале девяностых мы с друзьями неожиданно рванули на Кубу – впервые в жизни. Божественное, дивное время открытия мира! Вдруг стало можно. Нет, ребята, вам сегодня этого не понять, и не пытайтесь. Поездка получилась короткая, безумная и невероятно яркая. Синий океан, обглоданная, как после атомной войны, и потому необыкновенно живописная Гавана, умопомрачительные кубинки – что я вам буду рассказывать? Ром, мохито и, конечно, сигары. Здесь они были не экзотикой на грани выпендрежа, а совершенно естественной частью жизни.

Нет, нельзя сказать, что мы увидели их впервые. В табачных ларьках и магазинах Страны Советов именно кубинские сигары были представлены весьма широко – это было то немногое, чем Куба расплачивалась за щедрую политическую, экономическую и военную помощь. Ящички и коробочки из ароматного дерева, оклеенные марками и картинками, колониальную стилистику которых революционные кубинцы так и не поменяли. «Монтекристо», «Ромео и Джульетта», «Партагас», «Коиба», «Панч» – это звучало как музыка. И стоили они, насколько я помню, копейки – во всяком случае, значительно дешевле, чем во всём остальном мире. Ящички и коробочки пылились на полках – никто их не покупал. Во-первых, образ сигары был сильно скомпрометирован политической карикатурой – империалист рисовался толстым, безобразным, в цилиндре и непременно с огромной сигарой в зубах. Во-вторых, никто толком не знал, как с ними обращаться – надо ли обрезать кончик, например, и если да, то чем. О хьюмидорах тоже никто не слышал, поэтому все сигары были безнадежно пересушены, и крошились от первого прикосновения. В общем, представьте себе, что вам предложили попробовать устриц, но не объяснили, что надо сначала раскрыть створки раковины.

Помню, отечественная промышленность предприняла робкую попытку догнать своих кубинских друзей – выпустила сигары «Погар» (по названию города, где располагалась табачная фабрика). Пять продолговатых коричневых предметов в серой картонной коробочке. Будучи извлеченными, они действительно метров с трех напоминали сигары. При ближайшем рассмотрении иллюзия рассеивалась.

В общем, знакомство с культурой сигары на Кубе состоялось. Хотя любовь пришла позже. Помню, как я на следующий день после возвращения сижу в каком-то баре в окружении восхищенных мальчиков и девочек – впечатления и свежие знания так и прут из меня, я страшно важничая. Я дымлю привезенной сигарой и обучаю неофитов азам. Очень, например, неплохо опустить кончик сигары в хороший виски или коньяк – это придаст ее аромату дополнительные оттенки. Я погружаю сигару в стакан с вискарем и начисто забываю про нее. Через пару минут ее конец распухает и распускается, как розовый бутон. Конфуз.

Если говорить об истинной любви к сигаре, то это, как и всякая любовь, многотрудное и ответственное дело. Сделана каждая сигара вручную (если это не дешевая игрушка), она хранит магию рук создателя и тепло его души. Нет двух одинаковых сигар – даже если они лежат в одном ящичке. Недавно я был на фабрике «Партагас» в Гаване. Старинное здание, огромный зал с высоченными окнами, длинными рядами плотно стоят столы, за ними сидят работники и работницы – немолодые уже люди. Перед каждым маленький деревянный верстачок – видно, что верстачкам этим очень много лет, сейчас таких уже не делают. Не суетясь, размеренными движениями ладоней эти мастера скручивают из табачных листьев ровные колбаски – и при этом почти у каждого во рту дымится сигара! В этой картине было такое торжество духа, что я чуть не заплакал – так хотелось это дело заснять. Снимать было запрещено – таинства не снимают.

Содержание сигар в домашних условиях – серьезное и хлопотное занятие: примерно как держать аквариум с рыбками. Вам предстоит многое узнать, причем ценой исключительно соб-

ственного опыта. Например, что такое хьюмидор, и зачем он нужен. И почему самый дорогой далеко не всегда самый лучший. И как убедиться в его качестве в момент покупки – потом будет поздно. И как оживить уже лишённую жизни сигару, эту уснувшую в высохшем аквариуме рыбку?

Курение сигары – процесс, требующий погружения и самоотдачи. И если вы не окончательный валенок, вам не придет в голову закуривать сигару на бегу от метро к месту службы. Выкурить сигару – это поступок (хотя те же кубинцы начисто лишены этого пиетета, курят где угодно и когда угодно и запросто затягиваются сигарным дымом, презрев вот это снобистское «пропускать исключительно через нос». И я с ними в этом солидарен).

А как же получить от сигары долгожданное удовольствие? Урок номер один. Вам понадобится круизная яхта. Необязательно огромная, как у Абрамовича – метров тридцати вполне достаточно. Важно, чтобы она располагалась в тропическом море и чтобы вы находились на борту. И чтобы на море был штиль, погода ясная, а время в районе шести часов вечера, в это время солнце в тропиках садится, хорошо, если оно опускается прямо в море. Очень важно, чтобы на палубе был бассейн – вам предстоит присесть в шезлонг около него: не у самой воды, а в некотором отдалении. Музыка пусть звучит совсем негромко – она должна быть плавной, но пусть в ней читаются латиноамериканские нотки. Метрах в десяти от вас должны танцевать девушки в бикини – штук пять, и делать это они должны лениво, как бы нехотя, тихонько переговариваясь. Важно не смотреть на них в упор – они занимают периферийную часть картины. В левой руке у вас тяжелый стакан с хорошим виски – не вздумайте портить его льдом: лучше добавьте несколько капель обыкновенной воды. В правой руке – только что раскуренная «Коиба робуста», ровненькая шапочка пепла говорит о том, что сигара скручена идеально. Теперь сделайте маленький медленный глоток, дайте напитку продемонстрировать вам все свои волшебные грани, и не спеша затянитесь. Неглубоко.

Ладно, не надо яхты. Тропики – тоже необязательное условие. Черт с ними, с девушками – только отвлекают.

Но виски-то у вас есть?

Колея

Проходите сюда, пожалуйста. Встаньте полукругом – так всем будет видно. Итак – перед вами первая рабочая модель отечественного колеепрокладчика АТ-70-1К. Центральный научно-исследовательский институт дорог и дорожного покрытия работал над этим чудом более двадцати лет. Задача перед учеными стояла непростая. Все мы знаем, что одна из вечных проблем России – дороги. Годами лучшие умы страны бились над решением этой проблемы с оглядкой на деятельность наших западных партнеров, не понимая, что идут по ложному и тупиковому пути. Помните, как в свое время американская военщина пыталась навязать Советскому Союзу соревнование в создании космического оружия – так называемые «звездные войны» – имея единственной целью обескровить нашу экономику? И надо сказать, им это почти удалось – к счастью, мыльный пузырь лопнул. Вот и сегодня – кое-кто пытается (к счастью, безуспешно) воссоздать на нашей почве современное западное дорожное покрытие, забывая, что это, во-первых, непомерно дорого, соответственно ведет к растратам и, прямо скажем, воровству, а во-вторых – совсем не так безобидно, как может показаться. Гладкое дорожное покрытие дает водителю ненужную степень свободы (это вообще свойственно странам с подгнившей демократией), усыпляет его внимание, провоцирует увеличение скорости, что неизбежно ведет к катастрофе. Кроме всего прочего, не следует забывать, что ровная гладкая дорога – открытые ворота врагу. Наши разработчики предлагают решить все эти проблемы кардинально – раз и навсегда. Вместо так называемой европейской дороги мы прокладываем колею. Колея не требует предварительной подготовки грунта, к тому же мы получаем на выходе невиданную экономию – вот цифры. Хищениям на дорожном строительстве будет положен конец. Колея дисциплинирует водителя, повышает его мастерство и совершенно безопасна в эксплуатации. Наш колеепрокладчик собран на базе легкого танка «Т-70», что делает его неприхотливым в эксплуатации и устойчивым к нашим климатическим условиям. В военное время он легко превращается в грозную боевую машину. Его рабочая часть, изготовленная с применением нанотехнологий, предусматривает прокладку колеи для легкового, грузового либо общественного транспорта. С учетом, так сказать приоритетов данного направления. Мы хотели назвать нашего первенца «Юрий Гагарин», но государственная комиссия рекомендовала нам не приземлять имя великого покорителя космоса, и мы дали нашей машине имя «Добрыня».

В настоящее время, прямо в эти дни, идет прокладка первой опытной колеи в направлении Тамбов – Малоярославец. Результаты впечатляют.

Если вопросов нет – предлагаю пройти в следующий зал – там нас ждет новейший поворачиватель рек «Гвидон».

Вначале был звук

Каждый из нас когда-то слышал, что восемьдесят процентов информации поступает человеку через глаза. Не знаю, кто автор этой сентенции. И каким образом производились подсчеты. И вообще, что имеется в виду под информацией. Если исключительно содержащаяся в тексте – тогда да, конечно. Восемьдесят процентов – через глаза. А оставшиеся двадцать – через уши, по радио. Но мне кажется, что понятие «информация» – гораздо более широкое. И шум дождя сообщает тебе о том, что идет дождь, ничуть не хуже, чем круги на лужах, видимые глазами.

А теперь представьте себе железнодорожную катастрофу, которую вы наблюдаете с небольшого расстояния. Представили? А теперь разделите изображение и звук. Разделили? А теперь прокрутите перед своим внутренним взором сначала картинку, а потом ее звуковое сопровождение. И ручаюсь вам: картинка без звука оставит вас вполне равнодушным, а звук без картинки приведет в ужас. И если это так, то что тогда главнее?

Все мы знаем, как может напугать нас неожиданный громкий звук. Даже самый простой, вроде лопнувшего шарика над ухом. Что-то я не могу представить себе какую-либо неожиданную картину, способную нас напугать – если она лишена звуковой поддержки. Даже привидения в фильмах-страшилках режиссеры заставляют выть. Хотя настоящие привидения выть, наверно, не умеют.

Ночью мы спим. И глаза наши спят. А уши – нет. И будит нас звук. Странно, правда?

Если мы не хотим что-то видеть, мы закрываем глаза. Не руками, нет – у нас есть веки. А на ушах век нет, и руками затыкать их весьма неудобно. То есть природа разрешает нам иногда оставаться без зрения и не разрешает без слуха. Значит, что с точки зрения природы важнее?

Возможность видеть мы получаем, появляясь из утробы на свет, да и то первые месяцы наблюдаем картину вверх ногами. А звуки начинаем слышать значительно раньше – на девять месяцев. Мой сын вел себя в животе у матери очень беспокойно, но неизменно затихал, как только начинала играть громкая хорошая музыка.

И вообще – если вначале было Слово, то Слово это было произнесено, а, скажем, не написано: не на чем еще было. Звук? Звук.

А восемьдесят, значит, через глаза? Ошибочка, граждане!

Если убедил – пошли дальше.

Звуки детства

Пытаюсь нарисовать картину из звуков своего детства, роюсь в памяти. Радиоточка. Или трансляция. В общем, радио. Эта пластмассовая коробочка стояла в каждой квартире, в каждой столовой, в любой парикмахерской. Коробочка всегда была желтая или розовая – веселенького цвета. На фасадной ее стороне располагалось окошко для динамика, затянутое веселенькой же тряпочкой и одна ручка – включение, она же громкость. Сзади – картонная крышка с круглыми отверстиями и провод. Провод вставлялся в специальную розетку – как для электричества, но поменьше, чтобы не перепутать. Всё.

Сколько помню, коробочка всегда и у всех находилась во включенном состоянии. Могло быть тише или громче. Коробочка вещала. Текстовая составляющая проходила мимо меня, не оставляя следов (в три-то года!). Разве что застревало в голове какое-нибудь непонятное слово («Телефон: Миусы Д-1...» Какие такие миусы? До сих пор мучаюсь.). В десять утра сажали слушать детскую передачу. Заставочка: на пианино, наверху, незатейливо – «Мы едем-едем-едем в далекие края...» И сразу, фальшиво-добрым старческим голоском: «Здравствуй, мой маленький дружок! Сегодня я расскажу тебе сказку...» Не нравилось: дядька кривлялся. Всё равно слушал. Выбора не было. Иногда в передаче появлялось двое детей – кажется, Мишенька и Машенька. Я понимал, что это ненастоящие дети, а две взрослые тетки – одна, с голосом потолще и, наверно, сама поздравее – за Мишу, а вторая, совсем писклявая – за Машу. От них было еще противней. Иногда приходил Захар Загадкин, пел песенку, загадывал детям загадки.

В 11.00 – «Доброе утро, товарищи! Начинаем производственную гимнастику! Первое упражнение – потягивание. Встаньте прямо, ноги на ширине плеч – и (под пианинку) раз, и два...»

Бедные мы, бедные.

В воскресенье, правда, было повеселее (может быть, потому что родители были дома – уже праздник!). Воскресная передача «С добрым утром!» Песня: «Друзья! Тревоги и заботы сегодня сбросьте с плеч долой – чем тяжелей была работа, тем краше день твой выходной! Воскресенье, день веселья, песни слышатся кругом – с добрым утром, с добрым утром и с хорошим днем!». Пелась задушевым, почти человеческим голосом.

Ну да, выходной был один – в воскресенье.

А живые, человеческие голоса звучали из трансляции очень редко. Дикторы говорили не как живые люди – медленно, торжественно и с какой-то совершенно особенной интонацией, которую ни описать, ни воспроизвести не берусь. (Кончилось это, кстати, совсем недавно – с появлением FM. Нет, раньше: Виктор Татарский с опальной передачей «Запишите на ваши магнитофоны». Он уже говорил по-другому. Но до этого еще двадцать лет.) В трансляции иногда пели: мужчины – патриотические и военно-патриотические песни, женщины – русские народные. Мужчины пели грозно и утробно, женщины – как бы веселясь, специальными русско-народными голосами, с завитушками в конце фраз. Пытаюсь понять: почему мне, маленькому, не нравилось. Так вот: клянусь, я чувствовал, что они притворяются, поют не так, как хотят, а как надо.

Дети ведь очень здорово чувствуют фальшь. Лучше взрослых.

Неудивительно, что когда вдруг появлялась песня с человеческой мелодией и спетая человеческим голосом – она сразу становилась народной – на таком-то фоне. «Ландыши», «Я люблю тебя, жизнь», «Подмосковные вечера»... У всех этих песен была непростая судьба – советско-партийное руководство сопротивлялось, искало пошлость, не пускало в эфир – кожей чуяли человеческое, собаки. Слово «сексуальность» применительно к артистке было просто немыслимо – даже «женственность» не очень приветствовалась – не время, товарищи! Поэтому певицы в лучшем случае изображали таких дурочек с бессмысленной улыбкой и легким пока-

чиванием головой – остальные детали тела должны были оставаться неподвижными. Мужским певцам полагалась поза а-ля Кобзон – ноги на ширине плеч, руки по швам. Когда (двадцать лет спустя!) появился молодой Валерий Леонтьев, который просто не мог стоять на месте, его на экране до пояса закрывали какой-нибудь декорацией – картонным кубом, например, чтобы не было видно, как он вертит попой. С добрым утром, товарищ Лапин! Об этом можно написать отдельную книжку.

Сейчас перечитал и ужаснулся: вроде как жил маленький мальчик в глухой ненависти к окружающей звуковой среде. Нет, конечно, – какие-то вещи завораживали: голос молодой Эдиты Пьехи в сопровождении ансамбля «Дружба», вокальный квартет «Аккорд», волшебное пение грузинского ансамбля «Орэра». Еще кое-что, о чем ниже. Просто они все были в меньшинстве, вываливались из общего фона.

Приходил с работы отец, садился за пианино. Пианино называется «Красный Октябрь», оно одето в серый льняной чехол. Отец приподнимает чехол, открывает ему пасть, полную белых и черных зубов, пробегает по ним руками. Здорово. Я хочу играть как отец, но понимаю, что это невозможно – руки у меня в два раза меньше, и я еле-еле достаю до клавиатуры носом. Единственная пьеса, которую я могу исполнять, – «Гроза». Для этого надо положить много книжек на стул – для высоты, потом на них забраться, открыть тяжеленную черную крышку. Пьеса «Гроза» – импровизационная, я придумал ее сам. Клавиши справа от меня – самые высокие – изображают молнию, клавиши слева – низкие – гром. Всё, что посередине, между ними, – это, видимо, дождь и вообще течение жизни. Я недоволен своим исполнительским мастерством, поэтому играю пьесу «Гроза» сам для себя, днем, когда никого нет дома и никто не слышит (няня не в счет, ей неинтересно). Приходила подружка со двора – Оля. Оля старше меня года на два, няня ругается, говорит, что она шалашовка. Не знаю такого слова, проникаюсь уважением. Оля показывает мне, как играть на пианино собачий вальс. Мне не нравится – там всё время по черным, противно. И вообще отец играет лучше. Собачий вальс не пошел.

На пианино стоит телевизор, он называется КВН. Маленький серый его экранчик прикрыт выпуклой линзой, в которую налита вода. Страшно интересно! Линзу можно выдвигать вперед, и тогда экранчик кажется больше и больше, пока края его не начинают совсем расплываться. Вечером начинается передача – программа пока одна, но говорят, что скоро сделают вторую. На экране крутится телебашня – ее показывают изнутри, снизу вверх, она вся прозрачная и сделанная из палочек, хор поет непонятную белиберду: «Москва ты самая какая-то красавица, бесконечная родимая земля, и неба синего нарядного красавица звезды алые Московского Кремля!» Сложение большого количества мужских и женских голосов звучит удивительно нехорошо. Долго после этого не любил хор вообще, пока уже лет в пятнадцать не услышал, как он на самом деле должен звучать: на пластинке Гордона Дженкинса. (Оказывается, нехорошо – это когда все поголовно мужчины и женщины поют с партийной интонацией и при этом не очень чисто.) Все остальные звуки, которые издавал КВН, были гораздо приятнее: песенка перед детской передачей («Начинаем, начинаем, начинаем передачу для ребят, в это время все ребята, все ребята к телевизорам спешат. Вы слышите, друзья, часы стучат, не будем больше ждать – начинаем передачу для ребят!»). Передача идет каждый вечер, мне ее включают в обязательном порядке. Там тетя Валя и два кукольных мальчика: Шустрик и Мямлик. Песенка нравится больше, чем сама передача – они говорят какую-то ерунду. Еще перед футболом духовой оркестр играет восхитительный футбольный марш (до сих пор хочу узнать имя автора – действительно отличный марш!). А еще по телевизору всё время перерывы (естественно, почти все программы идут в живой трансляции, и надо перетащить камеру из одной студии в другую). В этот момент на экране появляется мультяшный человечек, его зовут Тритатушкин, у него в руках ведро краски и кисть, он пишет на экране слово «Перерыв» и при этом поет песню: «Тритатушкин, тритата, перерывчик, тритата!»

Не помните? То-то! А пластинки? Волшебные черные переливающиеся диски. Они в конвертах из оберточной бумаги, друг на друга без конвертов их класть нельзя: царапаются. Посередине – круглая наклейка голубого цвета, написано: «Мелодия» и цифры – 33 и 1/3. Я уже знаю, что это – скорость вращения пластинки, это пластинки новые, потому что у нас еще есть старые – толстые, тяжелые, и на них написано – 78 об. мин. Там на стороне только одна песня, а на новых – четыре или даже шесть! На проигрывателе специальный переключатель скорости: 78 – 45 – 33 2/3 (сорок пять – это вообще непонятно зачем, у нас в стране и пластинок таких нет, только за границей). Очень смешно получается, если взять старую пластину – на ней записан фокстрот «Марина» – и завести на 33. Дядька поет очень тягуче и нечеловеческим басом. А если наоборот – какую-нибудь новую на 78 – еще смешнее: ансамбль буратин. Отец не разрешает, говорит, что от этого пластинки портятся. Я, в общем, к ним и не прикасаюсь – отец их заводит сам, если только не играет на пианино (так что звуки радио – это долгий день с момента ухода родителей на работу до их возвращения). Отец ставит печальную тягучую музыку, я знаю, что это называется «Рахманинов», или сборник «Вокруг света» – у нас их много, там песни на иностранных языках. Мне нравится на польском и английском. На польском смешно, а на английском как-то всё по-особенному звучит: там есть что-то неуловимое, и вот оно как раз нравится, и хочется покачиваться в такт. Есть еще пластиночка бразильского квартета «Фарроупилья» (был в Рио-де-Жанейро пару лет назад в самом большом пластиночном магазине – не нашел! Даже не слышали про такое. Годы, годы...). Советский Союз, наверно, тогда дружил с братским народом Бразилии, иначе с чего бы эту «Фарроупилью» у нас напечатали. Вся страна пела вслед за ними: «Ма-ма-йо кера! Ма-ма-йо кера!» Но любимая моя была не эта. Она называлась «Самба должна иметь пандейру». Я не знал, что такое «самба», тем более – что такое «пандейра», и каким образом первая собирается иметь вторую. Но красота названия завораживала. Вообще бразильская фонетика очень близка к русской, и в текстах «Фарроупильи» мне тут и там слышались обрывки русских фраз, совершенно лишённые смысла и тем особенно привлекательные. Так вот, «Самба должна иметь пандейру» просто подбрасывала. Я готов был слушать ее бесконечно. (Невероятно – эта пластинка у меня сохранилась, правда за треском и шипом музыки уже почти не осталось. Зато есть целых две того же года и почти непиленные – одну нашел мне критик Петр Шепотинник, другую принесла добрая пожилая женщина-учительница, когда я по радио рассказал о своей мечте – вернуть самому себе любимую песню спустя пятьдесят лет. Ребята! Это не тот случай, когда в детстве влюбился в какую-то ерунду – это действительно убойный номер. Сейчас самбу так уже не играют и не поют.)

Прошел на экранах страны совершенно потрясающий «Последний дюйм». Нет, бывали проколы у Совка – не уследили (мало того – еще и премий надавали. Оттепель еще не кончилась, видимо). Во-первых, по рассказу буржуазного писателя Джеймса Олдриджа. Во-вторых, про не нашу жизнь и снят как-то не по-нашему (тогда просто чувствовалось, а сейчас очень заметно, видимо, режиссер Вульфович был большим стилисткой, или, по словам А. Козлова, «штатником»). Сам Кусто подарил режиссеру свои документальные съемки акул, рвущих мясо. И музыка в фильме была какая-то не наша, другая – всё время играет в голове, а хочешь напеть – не получается. Не «Ландыши».

В фильме звучали две песни: про маленького тюленя и «Тяжелым басом гремит фугас...» «Маленький тюлень» особенно не зацепил, зато вторая засела в голове клином. Пелась она трагическим баритоном, и мальчик из последних сил тащил израненного акулами отца к самолету по раскаленному песку, и морские волны тяжело разбивались о берег в такт. Слова у песни были тоже трагические и непонятные – какой такой Боб Кеннеди (я сперва думал – Бобкин Нэди) пустился в пляс? И вообще – «Какое мне дело до всех до вас, а вам – до меня» – слова, в советской песне тех лет в принципе невозможные. Боюсь, сейчас это уже непонятно.

Мы сели с отцом подбирать песню про Бобкина Нэди – не получилось: чуть-чуть, а непохоже. Тогда отец пошел в нотный магазин и в сборнике «Песни радио и кино» нашел ноты этой песни (интересно, кстати, сейчас такое есть?). Нот мы с отцом не знали, поэтому усадили за пианино маму, которая до войны окончила музыкальную школу, и она, чертыхаясь и запинаясь, кое-как нам эту песню сыграла. Песня оказалась в сложной тональности – до минор. Целых три бемоля!

До сих пор моя любимая тональность. Смешно, правда?

В эти же годы ко мне привели учительницу музыки – Сару Семёновну (в музыкальную школу было рано по годам). Сара Семёновна не понравилась: у нее были какие-то злые треугольные серьги из черного блестящего камня и темно-малиновые ногти, загнутые внутрь, как у хищной птицы. Мы не полюбили друг друга. К тому же я возненавидел ноты. Насколько живыми казались звуки – настолько мертвым выглядело их письменное воплощение – бездушные черные букашки, посланцы чужих миров. Не нравилось всё: почему это в скрипичном ключе «до» на одной линейке, а в басовом совсем на другой – это же неудобно! И как это возможно читать глазами две строчки нотного стана – для правой и левой руки – одновременно? (Это, кстати, до сих пор не понимаю: вы же, читая книгу, не можете читать сразу две строки? Вот и я не могу. Ленин, говорят, мог читать сразу страницу – по диагонали. Так я не Ленин. Да и врут, скорее всего, ничего он не мог.) Обладая хорошей музыкальной памятью, я насобачился обманывать Сару Семёновну: просил ее сыграть для меня пьесу пару раз «с выражением», как она сама говорила, и ухитрился выучить ее от начала до конца. После чего играл пьесу по памяти, с лживым вниманием глядя в ноты. Скоро Сара Семёновна меня раскусила: я не мог запомнить, в каком месте надо переворачивать нотную страницу (на это памяти уже не хватало), и на этом попался. Вместо того, чтобы похвалить ребенка за прекрасную музыкальную память, Сара Семёновна устроила скандал с привлечением родителей, и мы расстались.

Как я был счастлив!

Счастье продлилось недолго – меня определили в музыкальную школу. Помню, мне там сразу не понравилось. То есть не нравилось уже заранее – я предчувствовал, что заставят вернуться к ненавистным нотам. Предметов оказалось сразу несколько: инструмент, сольфеджио, хор... Сейчас я понимаю, что интерес к предмету целиком определялся тем, насколько мне нравился преподаватель (в обычной школе, кстати, было то же самое). Класс фортепиано преподавала мне Елена Валентиновна, и никаких следов в душе моей она не оставила – она сама была какая-то никакая: ни злая, ни добрая. Учительницу сольфеджио не помню вообще, хотя само слово «сольфеджио» очень нравилось – как из сказки. Да и предмет был не лишен интереса – надо было угадывать расстояния между двумя нотами (они назывались «интервалы»). У кого-то получалось, у кого-то – нет. А вот преподаватель хора Юрий Ефимович понравился сразу – он же по совместительству был директором школы. На первом занятии он сказал нам: «Наверно, каждый из вас перед сном в голове слышит небывалую музыку? («Да, да!» – закричали мы.) Так вот, кто сумеет ее записать на ноты, тот и композитор!» – «Как просто!» – подумал я.

Поди запиши.

Впрочем, я и не собирался становиться композитором.

И вообще никто не планировал делать из меня музыканта. Слух у меня оказался неабсолютный, а мизинцы на обеих руках были тонкими и гнулись во все стороны вопреки анатомическим знаниям о строении человеческой руки, поэтому взять таким мизинцем какую-нибудь громкую отрывистую ноту (иначе говоря, «форте стаккато») было просто невозможно. Помню, Елена Валентиновна даже демонстрировала мои руки другим преподавателям – дескать, ну как с таким материалом работать! Я злорадно чувствовал, что пребывание мое в музыкальной школе будет недолгим. Однако потребовалось еще два с половиной года на то, чтобы сломить сопротивление моих родителей (в основном мамы).

Ничему меня в этой школе не научили.

Классе в шестом потянуло на гитару.

Я не знаю почему. В доме у нас никто на гитаре не играл. И вообще, примеров, вдохновляющих на подражание, вокруг не наблюдалось. Ну да, отец переписал на наш маленький магнитофон «Филипс» (чудо света!) у соседей по даче Окуджаву вперемешку с какими-то полублатными весельчаками. Окуджава понравился, в отличие от весельчаков, но не настолько, чтобы сразу хвататься за гитару. Нет, просто что-то носилось в воздухе.

Да и гитары у меня нет. Гитара висит на стене в доме нашего дачного хозяина (мы снимали дачу в Валентиновке). Хозяина зовут Александр Исидорович, он играет с отцом в шахматы, задумчиво шипит, выпуская воздух – «ш-ш-ш...» Гитара принадлежит его сыну Игорю, Игорь плавает на научно-исследовательском судне «Витязь», и мы его никогда не видели. Я захожу в комнату, прошу разрешения посмотреть гитару. Ее давно никто не брал в руки, с торца она покрыта пылью. На головке грифа, как полагается, розовый шелковый бант. Гитара завораживает своей фантастической формой, запахом дерева и лака, самим своим названием – «ги-та-ра», само слово уже звучит как музыка. Струны находятся на расстоянии сантиметра от грифа и играть на ней невозможно. Да я и не умею – просто видел, что что-то там на грифе надо зажимать. Я пытаюсь зажать – не получается. Тогда я просто тихонько бренькаю по струнам – то по трем сразу, то по каждой в отдельности, и гитара отзывается волшебным звуком. Я почти играю! Заниматься этим можно до бесконечности.

В седьмом классе мы едем в настоящую биологическую экспедицию! В Хоперский заповедник, в Воронежскую область (я еще не оставил надежды стать биологом). Нас человек двадцать из двух школ, и мы будем целый месяц жить на дикой природе и изучать повадки зверей и птиц! Веселый парень Андрюша Асташкевич очень лихо играет на гитаре «восьмерочкой» и еще каким-то особо озорным боем. У него, как и положено, семиструнка (о других мы тогда и не слышали), он поет песню про перекаты, которые надо послать по адресу (я еще не знаю, что это Городницкий), и какие-то куплеты, в которых Гамлет и доктор Фауст действуют в современных предлагаемых обстоятельствах – эдакое веселое вольнодумство шестидесятых. «Вот и ходит Гамлет с пистолетом и шпагой и хочет когой-то убить, и стоит вопрос перед Гамлетом: быть или не быть». Слово «Гамлет» произносится с ударением на второй слог. Очень, типа, смешно. Куплеты нравятся не особо, а вот играет Андрюша здорово. Еще очень нравится, как на него смотрят девушки, когда он играет, что-то в их глазах меняется. Хочу научиться как он, но стесняюсь – я на год младше, а гитара всё время на людях, Андрюша играет не переставая. Мы знаем весь его репертуар и иногда поем хором. Впрочем, при всём моем стеснении мне удастся пару раз отвлечь Андрюшу от девушек, и он показывает мне аккорды: «малую звездочку», «большую звездочку» и «переходняк» из малой в большую. Была еще «обратная лесенка», но по причине ее чудовищной сложности я изучение этого аккорда временно отложил. Главное же: мне показывают, как играется «восьмерочкой» – и у меня получается!

Я не смогу вам сейчас объяснить, что такое «восьмерочка» и что значила она в иерархии общих ценностей. Те, кто помнят, знают, что я имею в виду. В общем, это ритм, отдаленно напоминающий самбу, извлекаемый из гитары особым чередованием ударов по струнам большим и средним пальцами в очень быстром темпе. Нет, это бесполезно – его надо слышать. Этим ритмом исполнялись на семиструнной гитаре все дворовые, блатные, пионерские блатные, а потом и бардовские песни. Человек, владевший «восьмерочкой», автоматически становился королем. Если же она тебе не далась – не стоило и брать гитару в руки во дворе, выучи ты хоть всего Баха.

Я вернулся из экспедиции сильно воодушевленный и выпросил у своего школьного товарища Славы Мотовилова гитару для занятий. Он тоже знал три аккорда (аккорды Высоцкого!), но «восьмерочкой» не умел и поэтому не особенно горел к гитаре. Гитара у него была маленькая и слегка продавленная, но играть на ней можно было вполне. Отчего она так притягивает

меня? От гитарного звука – особенно если ты сам его издал – по спине пробегают мурашки. Я не выпускаю ее из рук, без конца повторяя три заветных аккорда. «Солдат всегда здоров, солдат на всё готов, и пыль, как из ковров, мы выбиваем из дорог...» На пальцах левой руки у меня мозоли, на пальцах правой – волдыри. Ночью я кладу гитару рядом с кроватью, перед сном три раза тихонько провожу пальцем по струнам снизу вверх – гитара отзывается божественным мажором. Скоро отдавать инструмент хозяину – как же жить-то дальше?

Скоро у меня появилась своя.

Мне просто повезло. Вы думаете, можно было прийти в магазин и вот так запросто, как сегодня, купить гитару? «Вам какую завернуть?» В Совок бы вас, товарищ. Недельки на две. Чтобы не пели больше песен о счастливом советском прошлом. Гитара не входила в список предметов первой жизненной необходимости, а мода на нее уже пошла – нет, пока не от Битлов: от Окуджавы, Галича, Визбора, Кима. Поэтому раз в квартал на прилавки выбрасывали свежесрубленный товар, и за ним выстраивалась чудовищная очередь. «Вас тут не стояло!», «Не больше одной гитары в одни руки!», «Касса, за гитары не пробивать – заканчиваются!» Сметали всё часа за два.

А я прогуливал школу и зачем-то решил зайти в «Детский мир». Дают! Только привезли! Я успел занять очередь, съездить на метро домой, взять деньги (семь рублей пятьдесят копеек!), вернуться и стать счастливым обладателем семиструнной гитары производства фабрики муз. инстр. им. Луначарского, г. Ленинград. Вырвался из толпы, держа гитару высоко над головой, стоял на улице мокрый, растерзанный и счастливый. Ехал в метро, обнимая гитару за талию, нежно прижимая к себе, не в силах согнать идиотскую улыбку с лица. Мне казалось, все пассажиры поглядывают на меня с завистью. Может, так оно и было. Люди завидуют чужому счастью.

Гитара оказалась куда лучше той, мотовиловской. Она была больше, звучала громче и басовитей. Она была невероятно красивого светло-желтого цвета и восхитительно пахла свежим деревом и мебельным лаком. Параллельно было сделано важное открытие – железная пимпочка, расположенная в основании грифа, служит для регулирования высоты струн над грифом – это, оказывается, головка винта, и нужен всего-то специальный ключик, вроде как от детских заводных игрушек. Не надо больше было запихивать карандаш между грифом и декой. Дивное время открытий!

Я часто думаю: в какой степени наше гитарное остервенение было вызвано всеми этими трудностями на пути к цели? Что бы произошло, если бы современные магазины музыкальных инструментов со всем их сегодняшним ассортиментом чудом переместились в советский шестьдесят девятый? Ну понятно – несколько инфарктов и буйных помешательств у особо впечатлительных. А потом? Не пропал бы интерес, по причине доступности? Или, наоборот, не образовался бы такой непреодолимый разрыв в уровне мастерства наших и ихних рок-н-рольных артистов – до сих пор не догоняем, и не догоним уже, видимо, никогда?

Еще через месяц у нас ансамбль. Никакой это, конечно, пока не ансамбль: просто мы вдвоем с моим одноклассником Мишкой Яшиным бренькаем на двух семиструнках (у него тоже есть!) и напеваем какие-то бардовские песни: Мишка их знает, я – нет, но поскольку разнообразия аккордов в них не наблюдается, я справляюсь. Очень красиво, когда одна гитара играет ритм, а вторая по этим же аккордам перебором – ансамбль, блин! Даже выступили на классном вечере.

Про внезапное вторжение Битлов в мою жизнь я уже рассказывал в книжке «Всё очень просто», и повторяться не хочется. К тому же все мои сверстники и так помнят, что это было, всем же прочим пытаться рассказать об этом словами – бессмысленное и неблагодарное дело. Ибо слова не всеильны. Представьте себе, что всю жизнь вы пили сильно разбавленный технический спирт, подкрашенный жженой резиной и карамелькой, и это называлось «коньяк». И вы даже не знаете о существовании другого напитка под этим же названием, научились отли-

чать три звездочки от пяти и ходите с этим друг к другу в гости. И в один прекрасный момент у вас забирают из рук мутный граненый стакан с пойлом и вкладывают туда бокал с пятидесятилетним «Камю». Нет, даже этот пример слаб и примитивен – всё было гораздо ярче. Не будем о необъяснимом.

В общем, через тридцать минут после прослушивания пластинки «Hard day's Night» я отчетливо понял, что не стану ни биологом, ни архитектором, ни художником. Я вообще никем не стану, потому что быть Битлом в Стране Советов в принципе невозможно. Впрочем, будущее меня на тот момент абсолютно не интересовало. Всё заслонила собой абсолютно животная потребность: постоянно слушать этот волшебный звук либо самому начать издавать такой же. Это было состояние безнадежного наркомана, и я не знаю наркотика, на который можно было бы подсесть так молниеносно и так бесповоротно.

Чудовищное разочарование постигло, когда вдруг выяснилось, что Битлы играют на совсем других гитарах: я кинулся подбирать, и всё получалось вроде похоже – и что-то всё время чуть-чуть не так. У них, оказывается, шестиструнки! Это, оказывается, совсем разные инструменты – семиструнка цыганская, а шестиструнка испанская! И настраиваются они совершенно по-разному, и аккорды на шестиструнке совсем другие! Сколько сил и времени было потрачено зря!

Шестиструнка обломала сложностью аккордов и еще тем, что если провести рукой по открытым струнам, то в отличие от правильной мажорной семиструнки тут звучала какая-то гадость. Зато первый правильно взятый аккорд подтвердил: вот теперь всё как должно быть, по-битловски. К тому же шестиструнные аккорды оказались устроены таким образом, что звучали сразу все шесть струн и можно было лупить по ним по всем медиатором, не боясь ненароком зацепить какую-нибудь ненужную (на семиструнке это происходило постоянно). Покупать шестиструнку не пришлось: гитара просто перестраивалась, а самая толстая седьмая струна, ставшая ненужной, выносилась за пределы грифа и фиксировалась спичкой.

А потом была первая самодельная электрогитара (сделали вместе с отцом: я руководил, он пилил), а потом другая самодельная, купленная на музыкальном толчке на Неглинке (наша с отцом совсем не играла), а потом первая настоящая – советская, а потом болгарская, а потом – производства ГДР, а потом – чешская, а потом, наконец – японская, а потом...

Я уже никогда не сосчитаю, сколько через меня прошло гитар. Каждая из них казалась воплощением совершенства, поэтому обменивалась на предыдущую с доплатой, и через некоторое время эта иллюзия неизбежно рушилась. Не важно, сколько у меня было гитар. Я любил каждую, всем им спасибо. К этому моменту мы уже были «Машина времени» и жили, отгораживаясь от окружающего мира непробиваемой стеной любимых звуков. Спросите, как нам это удавалось? Очень просто: мы любили их больше жизни и самой жизни без них не мыслили.

Кончились звуки детства. Пришли Битлы.

И снова про Битлов

Вижу, как кривят морду тридцати-сорокалетние: «Ну сколько можно? И вообще «АББА» и «Бони-М» лучше!» Друзья мои, успокойтесь. Я не про то, что лучше. Для каждого из нас лучше то, с чем он вырос, под чью музыку впервые поцеловал девушку и проснулся наутро рядом с ней. Музыка – лишь часть общей картины счастья.

Целое поколение успешных и образованных людей сегодня неистово отплясывает под чудовищный «Ласковый май» и «Мираж» – они в общаге на первом курсе под это плясали, это теперь навсегда с ними. Музыка тут только помогает им вспомнить самих себя – молодых и неотразимых. Качество самой музыки при этом не имеет, увы, значения. Я про другое.

Четыре совсем юных, не шибко красивых и, в общем, необразованных парня перевернули мир. Причем совершенно не ставя перед собой такой задачи. Они просто хотели играть рок-н-ролл как все. Ну, допустим, лучше всех – кто не хочет? История человечества еще не знала примеров (и, видимо, уже не узнает), когда молодые люди всей планеты как по команде побросали всё, чем они увлекались – спорт, науку, рисование, кино, книги, театр, собирание марок, кошек, собак, аквариумных рыбок, – и схватились за электрогитары. Даже девушки отошли на второй план – хотя на электрогитару они слетались как мухи на мед. Достаточно было пройти по Тверской с чехлом от гитары (без самой гитары чехол был гораздо легче), чтобы в этом убедиться. Все вдруг захотели стать как Битлы. Какая могучая цепная реакция сработала?

Ведь Битлы ничего не открыли. Не они придумали рок-н-ролл и биг-бит – это сделали до них другие музыканты. И они в своей жуткой провинциальной портовой дыре (а Ливерпуль и сейчас порядочная дыра) торчали на Элвисе Пресли и Чакке Берри и мечтали о приличных гитарах и нормальных усилителях. (Поразительно, что они не просто из одного города – они еще практически из одного квартала. Ничем, кроме узкого луча, пролившего божий свет на небольшое пространство, я это совпадение объяснить не могу.) И в клубе «Каверн» они были не на лучшем счету – им приходилось играть днем, в обеденный перерыв, для людей, зашедших перекусить в рабочий полдень. И менеджер их Брайан Эпстайн целый год бегал по студиям, где профессионалы шоу-бизнеса мягко ему объясняли, что группа – это вообще сегодня не модно, пусть возьмут себе солиста, а сами аккомпанируют. Что же случилось потом?

А потом масса обстоятельств, незначительных сами по себе, слились воедино и детонатор сработал. Битлы ворвались в каждый дом, в каждую душу живущих на планете молодых людей, легко преодолевая языковые барьеры и шутя ломая железные занавесы. Что это было? Тут и невероятная битловская музыкальность, и юношеское обаяние, и судьбоносная встреча с гениальным Джорджем Мартином, и тот факт, что широкие слои человечества дозрели наконец до рок-н-ролла, и он перестал быть достоянием стилига, и еще много-много всего. Хотите, я перечислю вам все ингредиенты божественного супа, можете сложить их в кастрюлю, залить водой и поставить на огонь – супа у вас не получится. Тут что-то еще – мантру над кастрюлей читать, например. Потому-то я и не считаю историю наукой: легко объяснять уже произошедшее – только вот будущее на основе этих объяснений не моделируется.

Итак, смею предположить, что помимо всего перечисленного, магия сокрыта в самом битловском звуке. Рискую утверждать, что гитары «Рикенбекер» и «Грейч», будучи включенными в ламповый усилитель «ВОКС АС-30», производили эффект, наукой не объясненный. Конечно, это всего лишь один из факторов, но выгаци из нашего супа маленькую луковку – и всё, не получилось. Лично у меня этот звук до сих пор вызывает легкое движение мурашек по спине, поэтому дома у меня стоит вышеозначенный усилитель с включенной в него вышеуказанной гитарой (в данном случае – «Рикенбекер») и я периодически прибегаю к этого рода звуковой терапии.

Скажите, я псих?

Звук ранних битловских песен – упруго-резиновый, сметающий всё на своем пути, при этом кристально прозрачный и бесконечно глубокий, звук, созданный сэром Джорджем Мартином в студии № 2 на Эбби Роуд, уникален. Он не стареет. Фантастические нагромождения психоделики семидесятых, казавшиеся нам тогда волшебными замками из будущего, рассыпались в прах за каких-то десять лет, и сейчас их претенциозные руины выглядят жалко и смешно, а пластинка «Hard Day's Night» звучит так, как будто записана сегодня. Или завтра. А что сделал сэр Джордж? Просто записал живьем поющих и играющих гениальных ребят, продублировал кое-где гитару и голос (это называется «дабл-трек», а других-то ухищрений тогда и не было!) и пропустил готовую запись через компрессор, причем сильно разогнанный. (Я не хотел лезть в науку, и всё-таки полез. Компрессор, грубо говоря, – прибор, выравнивающий и уплотняющий общую картину звучания. В те времена он, как и всё остальное, был ламповым.) Элементарное, казалось бы, решение, а Мартин с битловским звуком занял эту нишу навсегда. И попробуй кто сейчас этот приемчик применить – тут же со всех сторон сочувственные улыбки: «Под Битлов косят...» Да нет, используют этот прибор постоянно и сейчас (а сколько новых появилось!), но аккуратненько, с оглядкой. А там было дерзко, на грани хулиганства. Сохранились, кстати, записи битловской игры и пения без участия Мартина – с концертов, радио, телевидения (вот время было – везде живьем пели! Вернется ли когда-нибудь?). Всё то – а не то. Эта компрессия стала очень важной составляющей битловского звука.

А как юноши пели! Музыкально, профессионально – ничего не сказать (хотя отнюдь не типично – зря биг-бита была эпохой дилетантов). Невероятная молодая энергия перла из них, как росток из зерна, как хрен из штанов. Они ничего из себя не изображали. Они не кривлялись – даже когда кривлялись. Они были божественно естественны. А сами голоса! Идеально сливающиеся в унисоне и в аккорде и такие волшебны разные по отдельности: слегка гнусавый и смешной от своей серьезности голос Ринго, какой-то замкнутый, словно глядящий сам в себя тембр Харрисона. Голос Пола – прикосновение мягкой белочьей кисточки. Леннон – бритвой по коже: еще не больно, а кровь уже выступила. Каждым своим звуком, каждым мгновением своего существования Битлы кричали: «Какой же ерундой вы все занимаетесь! Делайте, как мы!»

И мир рухнул.

Случай из жизни. Глухая, когда-то староверская деревня Кимжа Мезенского района Архангельской области. Молодой механизатор Леха, вернувшись домой, застаёт свою бабушку Аглаю за невероятным занятием: она непрерывно перематывает назад песню «Yesterday» на Лехином магнитофоне, слушает ее снова и снова и беззвучно рыдает. Леха, оторопев: «Бабушка, ты чего?» Бабка Аглая: «Так ить ангел поет!»

Мы не можем даже приблизительно представить себе, каким был бы мир сегодня, если бы сорок пять лет назад он не услышал Битлов. Но поверьте мне, он был бы совсем другим. И эта мощнейшая индустрия, называющая себя популярной музыкой, эта отлаженная, делающая миллиарды машина – какой была бы она сегодня? И была бы вообще?

Когда я осознал, что мы действительно едем записываться на Эбби Роуд в студию № 2, я изо всех сил старался успокоиться. Знаю-знаю – «как пострелять из пистолета Держинского», смешно.

И сто лет я уже никакой не фанат, а, наоборот, взрослый человек, трезво смотрящий на вещи. И всё-таки. Мы едем в студию, в которой совершалось чудо. Чудо, перевернувшее мир.

Со времени, когда во Второй студии работали Битлы, в ней ни разу не производили ремонта. Не перестилали паркет, не красили стен, не вбили ни одного гвоздя. Потому что звук – это не только пение и игра на инструментах, не только микрофоны, уши и руки звукорежиссера – это и стены, и пол. И атмосфера, только этой студии присущая. На вид это типичная студия шестидесятых – очень похоже на Государственный дом радиовещания и звукозаписи на улице Щепкина, – если там сейчас ничего не намодернизировали. В этой студии какой-

то особенный запах: едва уловимый, чуть-чуть погреб, чуть-чуть музей, хотя вентиляция там идеальная. Это отнюдь не музей: студия расписана на год вперед, стоит очень дорого и лучшие музыканты мира занимают туда очередь. В мире масса суперсовременных студий – почему туда? Не подражать же Битлам – это смешно. Может быть, просто чтобы получить на выходе гарантированно качественный продукт – из ста лучших альбомов мировой поп-музыки семьдесят записаны на Эбби Роуд. А может быть, в глубине души надеются, что неразгаданное битловское волшебство, творившееся здесь когда-то и впитавшееся в эти стены, слабым отраженным лучиком упадет на них? Ждут чуда?

Но ведь музыка – это и есть чудо.

Что такое музыка

А вы никогда не задавали себе этот вопрос? А ну-ка попробуйте на него ответить. Я затруднился и полез в словари. Оказалось, страшно интересно: они дают на этот простой вопрос довольно разные ответы.

Начнем по старшинству – с Даля: «Музыка (мусикия) – искусство стройного и согласного сочетания звуков, как последовательных (мелодия, напев, голос), так и совместных (гармония, соглас, созвучие), равно искусство это в действии».

Ладно.

Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Ушакова:

«Искусство, в котором переживания, настроения, идеи выражаются в сочетаниях ритмически организованных звуков и тонов».

Большой энциклопедический словарь:

«Музыка – вид искусства, в котором средством воплощения художественных образов служат определенным образом организованные музыкальные звуки». (А музыкальные звуки – это, видимо, то, из чего состоит музыка? Bravo! Когда-то давным-давно, еще в советские времена я читал старинную кулинарную книгу Елены Молоховец и мучился вопросом – что такое каперсы, они мелькали на страницах тут и там, их следовало добавлять в различные блюда. Советским гражданам это слово было незнакомо – каперсы не входили в их рацион. В конце концов я полез в вышеуказанный словарь и прочитал: «Каперсы – плоды растения семейства каперсовых». Сразу всё понял.)

А странно, правда? Сложнее всего дать определение самому обыденному и привычному, тому, с чем мы имеем дело каждый день. Что такое воздух? Да то, чем мы дышим!

В общем, попробовал сам. Получилось примерно вот что:

«Музыка – это действие человека, направленное на создание либо воспроизведение совокупности звуков, являющее из себя конечную цель». Немного коряво, но понятно, да? То есть стук в дверь или сигнал автомобиля музыкой не будет – задачи другие: это чтобы дверь открыли и с дороги ушли. А музыка – извлечение звуков с целью самого их извлечения. Можно, конечно, возразить, что цель – услаждение наших с вами ушей. Но это вечный вопрос: художник написал полотно для Бога или чтобы загнать подороже? (И почему, кстати, одно непременно противоречит другому?) Мой друг поэт Михаил Генделев убежден, что стихи пишутся вообще не для людей. Нет, если хотите – читайте, пожалуйста. А можете не читать – они от этого хуже не станут. У индейцев была скрипка, она состояла из грифа со струной и смычка. Конец грифа зажимался зубами, и голова музыканта становилась резонатором, музыка звучала только внутри ее. Шаман может работать с бубном один, ему не нужны зрители. Можете, конечно, сказать, что это не музыка – это он стучится в двери другого мира. Товарищ Жданов, подписывая приговор Шостаковичу, утверждал, что музыка – это то, что можно напеть. Сегодня это понятие куда шире – пойді напой Пендерецкого.

И всё-таки, что-то в словах этого урода есть. И мы вернемся к этому позже.

То, о чем я хочу рассказать, пришло мне в голову не вчера. Я уже касался этого в книжке «Сам овца». И я убежден, что тема эта ждет настоящего научного исследования. Я же не ученый. Но, будучи музыкантом и работая с музыкантами, я вижу, как часто люди пытаются делать музыку, опираясь только на свой вкус и интуицию, совершенно не понимая, чем они занимаются. Ибо вкус небезупречен, а интуиция подводит.

Так что такое музыка?

Полусумасшедший-полугений Андрей Белый написал в 1917 году книжку под названием «Глоссолалия: поэма о звуке». (Вот ведь! На дворе семнадцатый год, мир летит в тартарары, а он пишет поэму о звуке. Фантастика!) Книжка эта напечатана была в Берлине в 1922 году,

насколько мне известно, не переиздавалась, и найти ее сегодня довольно сложно. Вот что он пишет: «Глубокие тайны лежат в языке: в громе говорюв – смыслы огромного слова; но громы говорюв и мгновенные молнии смыслов укрыты метафорным облаком, проливающим из себя в волны времени линии неизливных понятий; и как несхожи нам ливень, грома, облака, так несхожи и смыслы звучаний, и образы слова; отличен от них сухой плоский понятийный смысл.

Что такое земля? Она – лава; лишь корост кристаллов (каменей) сковал пламень; рокоты лавы быются в жерла вулканов; и верхний пласт – земля – так тонок; покрыт он травой.

Так и слово, которое – буря расплавленных ритмов звучащего смысла; толщею кремнистых корней эти ритмы окованы; пылкий смысл утаен; верхний пласт – слово-образ (метафора); его звук, как гласит нам история языка, только склейка разъеденных, разъедаемых звуков; а образ – процесс разрушения звука; и смыслы обычного слова – трава! – начинают расти из него».

Тяжеловато читать Белого? Отвыкли от настоящего русского языка? Хорошо, переведу на современный. Андрей Белый говорит о том, что в самих звуках, из которых складывается слово, скрыты эмоции, настроения, и каждый звук несет в себе только ему присущее состояние. Далее поэт разбирает каждую букву русского алфавита, препарирова звуки и извлекая спрятанные в них ощущения, цвета, а иногда – позы и движения, этим ощущениям соответствующие. Теория его во многом объясняет чудо поэзии. Ведь поэзия – это не просто зарифмованные истории, правда? Чем тогда стихи Бродского отличаются от стихов обычного графомана? Только качеством рифмы?

Не задумывались, кстати, почему поэты зачастую так странно читают свои стихи? Вот он разговаривает как обычный человек, отвечает на вопросы, а попросили почитать – прикрыл глаза, помолчал, и вдруг – совсем другим голосом, протяжно, подвывая. Зачем он так? А его распирают смыслы, спрятанные в каждом звуке каждого слова, которые он, как архитектор, собрал вместе и скрепил в единственно верной последовательности. Это в нем звучит мелодия, еще не обросшая словами, та самая, которая заставила его написать этот стих. И слышит он там больше, чем слышим мы: архитектор знает построенный им храм до последней стяжки, до последней капли раствора. А потом, не дай бог, пришел дурак-композитор, положил стих поэта на свою музыку – и вдруг всё умерло и засмердело. Ибо стих самодостаточен, и спрятано в нем ровно столько музыки, сколько поэт посчитал нужным, а стих требовал, и добавление в сливочное масло масла машинного ни к чему хорошему не приведет. Музыка стиха и музыка музыки убьют друг друга. Знаю редчайшие примеры, когда всё чудом обошлось – и поэт хороший, и композитор, и песня получилась. Хороших поэтов так же мало, как и хороших композиторов, хороших композиторов, слышащих музыку стиха, – еще меньше, вероятность их встречи почти равна нулю. Да и не станет хороший композитор, слышащий музыку стиха, уродовать этот стих своей хорошей, но ненужной этому стиху мелодией – он попросит поэта написать ему ТЕКСТ. А текст – это отнюдь не стихи второго сорта: это составляющая часть песни, и цельным произведением уже будет песня – удивительный гибрид слова и мелодии, и будучи из этой песни вынутым и представленным в виде стихотворения, текст в отрыве от своей мелодии будет выглядеть несовершенным. Поэтому меня раздражают тексты песен (даже самых лучших!), изданные в виде стихов. Создание песни – отдельная тема, и если хотите, мы к ней еще вернемся. А пока – на чем мы остановились?

Так вот. Андрей Белый был поэт, и интересовала его лишь музыка фонетическая, спрятанная в звуках, нами произносимых. Меня же всегда волновала тайна мелодии. Что это такое? Почему сочетание звуков разной частоты вызывает у нас сопереживание? Причем, заметьте, наши сопереживания будут схожими! А ведь мелодия абстрактна, верно? Абстрактное полотно – если это живопись – способно вызывать у каждого человека индивидуальные ощущения и ассоциации.

С мелодией не так – мы всегда скажем, например, грустная она или веселая. Откуда мы знаем? Ну хорошо, мы, взрослые, помним, что песни с грустными словами поются обычно на минорный лад – поэтому и мелодия грустная. Но дети – каким образом малые дети безошибочно отличают мажор от минора? Не верите – убедитесь сами – на своих.

Теперь, внимание. Мы живем в век рационализма, когда любое открытие обязано принести пользу. Я не столь рационален и убежден, что бывают и другие открытия – просто открытия.

И они от этого не менее ценны.

И еще: я не Сальери и не собираюсь алгеброй проверить гармонию. И прекрасно знаю, что настоящее искусство – это присутствие Ангела в человеческом изделии, будь то стих, мелодия или картина. Я не об этом.

Как отличаем грустную мелодию от веселой?

Насколько мне известно, никто пока ответа на этот вопрос не дал. А ответ лежит на поверхности.

Слова и ноты

Есть такой прибор – гониометр. Или спектроанализатор. И на сегодняшний день – масса компьютерных программ, позволяющих записать любой звук и отразить его на экране в виде кривой, показывающей изменения его частотных характеристик. Очень сложно? Извините. Выше звук – кривая пошла вверх (да еще и увидим, на сколько герц), ниже звук – поползла вниз.

Так вот. Давайте запишем на такой прибор обычную человеческую речь. Мы увидим, что человек, разговаривая, не долдонит на одной ноте, как дьяк на клиросе (хотя бывает – и именно дьяк, и именно на клиросе), а речь его взлетает вверх и опускается вниз, то есть являет из себя мелодию. Никогда не замечали – слышны голоса соседей за стеной, и слов не разобрать, но отлично понятно, ругаются они, веселятся или кого похоронили.

Смею утверждать, что каждому определенному настроению говорящего человека (а оно, естественно, зависит от информации, содержащейся в его речи) соответствуют определенные музыкальные интервалы, в его речи звучащие. Мы не просто говорим – мы в этом смысле всё время поем. Мы не думаем об этом и не контролируем это наше качество – если, конечно, мы не на театральной сцене и не хотим искусственно усилить интонацию. Но и в этом случае актеру не придет в голову строить свою интонацию согласно музыкальным интервалам – она сама построится. Вот еще за что хочу извиниться – конечно, не все обязаны знать, а тем более слышать музыкальные интервалы – секунду, терцию, кварту, квинту. В принципе это первый класс музыкальной школы, азы. Ну да, не все ходили в музыкальную школу. Ну так и грамотность на планете не поголовная, что ж теперь, и книжек не писать?

Попробую привести самые простые примеры.

Разговор на одной ноте с редкими включениями малой и большой секунды: состояние полного погружения в себя, сосредоточения на чем-то высоком и недоступном. Тот же дьяк: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, поми-и-луй!»

Любое другое сообщение с этой интонацией покажется ненормальным. Короткая фраза, содержащая малую секунду, – кокетливость, манерность: «Да, я такая!»

Фразы, содержащие большую секунду (и вверх и вниз), – спокойные, разговорные интонации, не окрашенные эмоционально: «Не знаю. Я ничего не заметил».

Сочетание квинты и малой терции – грусть, безысходность. «Я так устал!» «Дайте уснуть».

Интересно, что при появлении раздражения в голосе малая терция превращается в квинту: «Дайте уснуть!» Но ни во что другое.

Кварта – призыв, пафос: «Вставай, пойдём!»

Обратите внимание – талантливо написанные «Вставай, страна огромная», «Вставай, проклятьем заклеянный», да и гимн нашего государства начинаются именно с кварты. И правда хочется встать.

Квинта, если она звучит коротко, содержит в себе вопрос: «Куда ты?» Чуть длиннее – возбуждение, повышенные эмоции: «Смотри! Ни фиги себе!»

Сочетание большой терции и кварты – позитив, радость: «В цирке смешно было!»

Примеров таких вы сами можете отыскать множество – и более точных. Я взял то, что лежало на поверхности. Ибо нет у меня задачи составить Полный музыкально-фонетическо-фразеологический словарь. Это всё к тому, чтобы подвести вас к основной мысли:

МЕЛОДИЯ – ЭТО РАССКАЗ, ПОСТРОЕННЫЙ НА ИНТОНАЦИЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕЧИ, НО, В ОТЛИЧИЕ ОТ РЕЧИ, НЕ НЕСУЩИЙ КОНКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ.

Она только постоянно напоминает нам – это о грустном, а здесь возник вопрос и появилась надежда. На что надежда? Да у каждого своя! А появилась – у всех.

В пользу моей теории говорит еще вот что: насколько восточные, так называемые тональные языки отличны от европейских, настолько и восточная музыка отлична от привычной нам: и интервалы в ней другие, и ритмы, и размер. Это та же калька – просто с совершенно другого языка.

Зачем нам всё это? Не знаю – мне было интересно понять, что древняя музыка несет нам интонации речи давно умерших людей, а русская классика отголоски языка Гоголя, Бунина, Чехова, Толстого. О чем они нам рассказывают?

Прекрасные разговоры за стеной.

Еще стало возможным объяснить, почему эта песня плохая. Раньше просто чувствовал – плохая, а теперь могу объяснить. Вот что интересно: почему хорошая или тем более гениальная – не объяснить. Невозможно объяснить присутствие Ангела. Так что эта теория – не руководство для стахановского метода создания хороших песен. И всё-таки.

Как написать песню

Смешное название, правда? Это я специально – всем же интересно, как написать песню, которую завтра запоем вся страна, а он, наверно, знает.

Я не знаю, как написать песню, которую завтра запоем вся страна. Честно. Страна сама решает, что ей завтра запеть, и выбор ее всё более непредсказуем. Так что если вы поставили перед собой такую задачу – лучше сразу смените профессию. Амбиция в этом деле плохой помощник. Может быть, я просто помогу вам уберечься от самых грубых ошибок на уровне ремесла. И тут моя теория вам не помешает.

Иными словами, никто и никогда вас не научит, как написать хорошую песню. Или хорошую картину. Можно попытаться научить отличать хорошую картину от плохой – в детстве, когда мы еще способны что-то воспринимать и не считаем себя умнее других. Это совсем не значит, что из ребенка вырастет художник. Это называется воспитание вкуса. Страна между тем (любая страна) в это время распевает хором, как правило, что-то ужасное (слава богу, недолго: новое ужасное приходит на смену), ибо общественный вкус – вещь не сильно изысканная, и так было и так будет. Крайне редко возникает ситуация, при которой объектом всенародной любви становились действительно великие песни: так было с Битлами (применительно ко всему человечеству), так было с некоторыми песнями Великой Отечественной войны или с песнями Высоцкого (применительно к нашей стране).

А песня вообще-то – искусство массовое. Я не верю человеку, который говорит, что пишет песни исключительно для себя и ему плевать, что о них думают другие. Песня – это чтобы пели.

Каждый день я получаю по почте, от знакомых своих знакомых, на концертах диски с записями начинающих авторов. С просьбами дать оценку или помочь с продвижением. Песни эти чаще всего очень нехороши. Чем песня хуже, тем настойчивее автор требует помощи. Я не знаю, как им помочь. Некоторые считают, что я могу взять за руку и отвести в место, из которого песни становятся знаменитыми.

Нет такого места.

Если же мне не удастся избежать прямого диалога, то выглядит он примерно так: «Скажите, а что изменится, если я послушаю ваши песни? Независимо от того, понравятся они мне или нет?» – «Я хочу, чтобы вы сказали мне, продолжать мне писать или нет». – «Не пишите». – «А почему вы так сразу?» – «Потому что, если вы сомневаетесь, заниматься ли вам этим, и решение зависит от чьего-то мнения – лучше не надо».

Ко мне приходит Саша Кутиков (или Женя Маргулис) и говорит: «Слушай, я написал офигенную песню». После чего напевает мотив под гитару.

Это еще не песня. Это красивая мелодия, которая может стать песней. Если понять, про что эта мелодия. Если не понять – можно сочинять какие угодно строчки, выпиливать какие угодно рифмы – ничего не выйдет, песня будет запорота. Сколько хороших мелодий угробили бездарными словами!

Я забираю мелодию, учу ее наизусть, хожу с ней днем и ночью, и она непрерывно играет в моей голове. Я прислушиваюсь к разговору за стенкой. О чем это? Я же слышу интонации! Иногда, чтобы расслышать хотя бы одну фразу из-за стенки, требуется пара дней. Иногда – год. Иногда так и не удастся ничего разобрать, и тогда мне кажется, что мои друзья на меня обижаются.

Если расслышал – вся остальная работа делается быстро, это уже дело техники.

Вечный спор на тему, что в песне главное – музыка или слова, есть дискуссия о том, что важнее – ноги или крылья. Хвост, едрена мать.

Первое поколение российских рокеров росло и училось, старательно переигрывая и перепевая песни наших старших западных товарищей. Кое-как научились играть. И даже петь по-английски, не понимая ни одного слова. Когда возникло желание петь на родном языке, начались проблемы. Ну да, игру на инструментах можно было срисовать, а примеров русскоязычного пения такой музыки – не было.

Ой, сколько всего смешного происходило!

Чуть позже на эстраде появились ВИА – вокально-инструментальные ансамбли, наш ответ Битлам. Пожалуй, самое чудовищное совковое явление на эстраде. (Не обижайтесь, не обижайтесь – я знаю, что вы по ним двадцать лет назад с ума сходили, а сейчас еще ностальгия накатила – любите, пожалуйста, дай вам бог здоровья!) Музыканты, лабавшие на репетициях Джимми Хендрикса и «Лед Зеппелин», надевали по команде одинаковые пиджаки с вышитой на лацкане лирой, вставали на сцене по стойке «смирно» и слегка кастрированными голосами (такой специальный вокально-инструментальный голос – полумужской-полуженский) выводили песенки про то, как веселей, ребята, выпало нам строить путь железный, а короче – БАМ, про то, как не надо печалиться – вся жизнь впереди, и иногда про несчастную любовь.

Я не верю, что им нравилось то, что они делали. Всё понимаю – не разрешалось иначе, «время такое было, сынок», – но никто же не загонял туда палкой!

Недавно мне показали закрытую (!) инструкцию тех лет, предназначавшуюся звукорежиссерам фирмы «Мелодия» (а другой-то и не было!) для записи вокально-инструментальных ансамблей. Вот что там сказано дословно: «При записи инструментов избегать резких тембров, добиваться мягкого, приглушенного звучания. При записи электрогитары не использовать искажители типа «фу» и «квак». Хороший рок-н-ролл. Ну ладно, стихи Совку не нравились, но уж тембры-то, звук! Кожей свободу чуяли, собаки, даже в звуке. Ай, молодец».

Извините, отвлекся. Столько лет уже прошло, а всё никак не могу успокоиться.

У меня ощущение, что хороших композиторов всё-таки больше, чем хороших поэтов-песенников (звучит-то как противно – «поэт-песенник»! Дает тебе человек такую визитку – и сразу хочется убежать). Потому что, как правило, композитор изначален – сиди себе да сочини мелодии! Сочинил – и идет к поэту: напиши слова. А поэт не может – не привык сочинять стихи на чей-то непривычный размер, или чувствует, что чего-то не слышит – не работал с музыкой, или просто не хочет: он занимается высоким искусством, а тут – песня, эстрада, ширпотреб. Говно, в общем. А композитор, в свою очередь, очень хочет подарить свою песню человечеству. Или продать за деньги. Он-то убежден, что у него в руках уже готовый шедевр. Ну, почти готовый – подумаешь, слова срифмовать! Не все композиторы слышат музыку слова, вы уж мне поверьте. В результате получается то, что получается.

Можно я не буду приводить примеры, хорошо? В одной стране живем, один воздух нюхаем.

Давайте я вам лучше покажу, как работают самые элементарные принципы соединения музыки и слова – на примере очень хороших песен. Уверен совершенно, что при создании этих строк авторы никакими такими принципами не пользовались: поэт такие вещи просто слышит и по-другому сделать не может, если он поэт.

Вроде бы проще не придумаешь: ударный слог в слове, положенном на мелодию, должен звучать выше, чем остальные. Мы ведь, делая ударение в слове, произносим ударный слог не громче, а выше – никогда не замечали? Вот вам великая русская народная песня «Шумел камыш» (уж тут-то неизвестный автор точно ни к каким правилам не прибежал – вы что, смеетесь?).

«Шумел камыш, деревья гнулись, и ночка темная была».

Смотрите, как всё совпадает. Может вызвать вопрос слово «камыш», но после него идет пауза, и эта пауза работает на ударение не хуже. Слова и мелодия срослись.

Или еще: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море». Всё идеально, а секундные понижения в словах «любимый» и «завтра» – это же просто спрятанный всхлип, когда ком стоит в горле и голос дрожит!

А вот загадка: великая песня «Темная ночь». Смотрите, в каждой первой строчке куплета правило нарушено! «Темная ночь...», «Ты меня ждешь...», «Верю в тебя...». Ударный слог не совпадает с построением мелодии. А дальше – всё как положено! Случайно ли? Не верю – в шедеврах случайностей не бывает. Что-то заставило автора первые – самые главные – строчки каждого куплета построить чуть-чуть иррационально, заставить наш подсознательный слух сработать, что-то не гладко! И еще – когда мы говорим шепотом, мы не используем ударение (а еще и ровно половину согласных – не замечали?). Не поэтому ли?

Знаете, какая самая популярная песня в мире? Чаще всего звучащая, чаще всего исполняемая? Она называется «Бесаме мучо». То, что она номер один, установлено доподлинно: она собрала самое большое количество авторских отчислений, применительно к миру эта статистика не врет. Песню эту написала совсем молодая девочка. «Бесаме мучо» в переводе с португальского означает «целуй меня крепко». Вот интересно: насколько я помню, русскоязычной версии этой песни не существовало, хотя была она у нас так же популярна, как и везде, а в подобных случаях всегда находился ушлый мастер, лепивший русский перевод – как правило, отчаянно плохой. Помните, голос за стенкой? Мелодия этой песни настолько точно воссоздает интонацию грустного и страстного признания в любви, что слова уже не нужны – они сами возникнут у вас в голове, вызванные из подсознания интонацией. И пусть они у каждого будут немного разные – смысл признания в любви от этого ведь не меняется. И как хорошо, что непонятный напевный иностранный язык не мешает нам это слышать! Бразильский португальский язык вообще очень похож на русский по звучанию, то есть фонетически. Так и мелодии у них невероятно похожи на наши – и только ритмы самбы, на которые эти мелодии нанизаны, вбивают пограничные колья. Ритм – это уже вопрос крови. То же самое происходило с песнями Битлов: тексты их звучали как мантры и работали как мантры, и слышали мы за ними гораздо больше, чем в них было написано. Какой магией окутала нас песня «Girl», чудом попавшая в 1968 году на советскую сборную пластинку «Музыкальный калейдоскоп»? А потом нашелся тугой на ухо человек, родивший перевод: «Я хочу вам рассказать, как я любил когда-то...». Валерий Ободзинский спел. Обоих хотелось застрелить.

А ведь помимо мелодии существует еще гармония и ритм. О ритме позже. А гармония – чтобы не устраивать тут музыкальный ликбез – это, образно говоря, система дорожных знаков, ориентируясь на которые движется мелодия. Логические последовательности аккордов называются секвенциями и бессовестно кочуют из шлягера в шлягер. И вот что интересно: английские, ирландские, шотландские, американские народные песни базируются в основном на мажорных секвенциях, соответственно и мелодии у них мажорные. Русские, цыганские, еврейские (я имею в виду европейских евреев) – соответственно русский романс, вся блатная лирика и советская эстрада – на минорных секвенциях и минорных мелодиях. У нас в разговоре больше грустных интонаций? Как живем, так и поем? (Интересно, что в последнее время западная эстрада заинтересовалась минорными структурами, стала обминориваться на глазах. Им просто мажорные краски надоели или жить стали хуже?)

И знаете еще что? Таких вопросов и ответов на них можно найти множество, и невидимые параллели станут видимыми, но у меня нет задачи написать диссертацию и утомить вас окончательно. Во-первых, я указал направление, и, если вам интересно, можете продолжить поиски сами. Во-вторых, знание всех законов мира, включая донныне нераскрытые, не делает вас талантливее. А талант – это то самое качество, которое вдруг велит тебе сделать всё наоборот, всё неправильно, и убаюканный привычной гармонией мир взрывается.

Гораздо чаще не взрывается. Таланту не хватило.

Нет, ребята, ничему я вас не научу. Потому что в искусстве всегда будет элемент необъяснимого, казалось бы, нелогичного, заставляющего мурашки бежать по спине и делающего ремесло как раз искусством.

Как бы искусствоведы ни тужились.

Про инструменты

Я безумно люблю музыкальные инструменты. Это не связано напрямую с тем, как они звучат, тут как раз есть более и менее любимые. Я люблю их как безупречные произведения искусства, где каждый изгиб формы отшлифован веками. Некрасивых инструментов нет – будь то бубен якутского шамана, виола да гамба или сверкающий золотом саксофон. Если вы сомневаетесь в собственном вкусе при выборе картины для интерьера – повесьте на стену скрипку.

Дома у меня живет огромное количество самых разных музыкальных инструментов. Я отнюдь не владею каждым из них в совершенстве, но в состоянии разбудить голос каждого. И процесс этот доставляет мне великое наслаждение. А какая благородная возложена на них задача – не долбить стены, не убивать живое, а звуча, вызывать ангелов и делать людей лучше – пусть ненадолго. Я большой нелюбитель модных ныне оккультных словечек типа «аура», «энергетика», но в хороших инструментах остается что-то от хороших музыкантов, на них игравших, вы уж мне поверьте. Изготовить настоящий инструмент без любви невозможно, одного мастерства будет мало, и играть на нем настоящий музыкант без любви тоже не сможет. Коллеги не дадут соврать, когда к тебе в руки попадает долгожданный новый инструмент, ты с удивлением замечаешь, что твои исполнительские возможности вдруг несколько выросли (увы, ненадолго. Примерно, как с женщинами). Многие хорошие песни были написаны в результате первых контактов с какой-нибудь новой замечательной гитарой. Что такое вдохновение, черт его разберет. Дальнейшие главки не имеют никакой практической, а тем более научной ценности – сплошные эмоции. Так что если вы открыли эту книжку исключительно в поисках полезной информации, можете смело их пропустить.

Барабаны

Вообще-то, это самый первый, самый древний музыкальный инструмент. В тот момент, когда прачеловек испытал потребность произвести звук с целью создания звука, он ударил палкой по пустому внутри дереву. И очень долгое время музыка барабанов служила отнюдь не для удовольствия, с помощью барабанов общались с богами и духами (значительно позже с ними шли в бой, уже забыв о том, что призывают ими в этот момент богов и духов в помощь, просто маршировать легче). Буддисты и шаманы используют барабаны и бубны по назначению до сих пор.

До сих пор мы говорили о музыке только как о мелодии. А ведь есть еще ритм. И что пришло к человеку раньше?

Мир, в котором мы живем, пронизан ритмами. Солнце всходит и заходит, зима сменяет осень, чтобы вслед за ней пришла весна, волны накатывают на берег – всё это ритмы. Внутри каждого из нас стучит и не умолкает самый главный ударный инструмент – сердце, и мы живы, пока слышим его удары. Переплетение ритмов разной частоты создает сложнейшую паутину, в которой мы существуем, сами того не осознавая и не ощущая, вернее, не давая оценку своим ощущениям.

Мне кажется, что воздействие звуковых частот на человека изучено больше, чем воздействие ритмов. Хотя, строго говоря, частота – это тоже ритм: количество герц – количество колебаний в секунду. Известно, что частота 8 герц способна вызвать у человека чувство безотчетного страха, а усиленные 6 герц чуть ли не смертельны. А вот композиторам известно, что темп 120 (то есть сто двадцать ударов в минуту) – коронный темп музыки в стиле «диско» – залог успеха будущего шлягера. Почему?

Знаете, что такое резонанс? Это когда колебания (или ритмы) разных носителей совпадают и от этого многократно усиливаются и раскачивают друг друга. Поэтому взводу солдат, марширующему по мосту, приказывают сбить ногу – колебания моста могут войти в резонанс с маршем и мост развалится – такие случаи бывали. Люди, занимающиеся спортом, знают: какой у них пульс после пробежки? Правильно, 120. А после получаса скакания на дискотеке? Правильно. И что происходит? Нет, мы, конечно, не разваливаемся – мы не мост. Но резонируем хорошо.

А у черных еще интереснее. Установлено, что под воздействием ритма в их организмах вырабатывается меланин – вещество, влияющее на пигментацию и одновременно стимулирующее практически все процессы в организме. Негры могут танцевать сутками, питаясь ритмом, слыша кожей. Может, они поэтому такие черные? И танцуют они получше нас.

Русские народные песни, особенно северные, с точки зрения современной музыки неритмичны. Строчка тянется, насколько хватает дыхания. (Дыхание наше, заметьте, тоже основано на ритме, просто он значительно более свободный.) Поэтому лично меня коробили старания «Песняров» впихнуть белорусские напевы в жесткую сетку электрогитарного биг-бита. Американские и английские народные песни ложились туда без труда – они изначально были пронизаны этими ритмами. Почему музыкальный этнос одного народа весь основан на ритмах, а другого нет – вопрос необычайно интересный, и не думаю, что сегодня на него есть ответ. Он требует тщательного сравнительного изучения древней истории, культур и обычаев. Общая тенденция: чем южнее живет народ, тем большую роль играет ритмика.

Как я хотел быть барабанщиком! Сидеть на возвышении за горой гулких, звонких, сверкающих барабанов, горящих золотом тарелок, и повелевать божественным ритмом, на который нанизывают звуки своих инструментов музыканты, стоящие внизу! Ты – Бог, ты даришь музыке свой пульс, ты вкладываешь в каждый удар биение своего сердца, ты – мотор машины, называемой группой, и музыканту, не попадающему с тобой в такт, не место на корабле! И

они сверяют свой пульс с твоим, как сверяем мы свои часы с сигналами точного времени. Полжизни за барабаны!

В середине шестидесятых в одном из сборников «Вокруг света» фирмы «Мелодия» оказалась песня «16 тонн». Думаю, исключительно благодаря тому, что это песня шахтера, угнетенного капитализмом. Мне потребовалось почти тридцать лет, чтобы выяснить, кто это пел – ансамбль «Platters». Песня состояла из двух аккордов, невероятного баса солиста, еле слышных голосов на подпеве, размытых пространством студии, контрабаса и фантастического барабана, отбивающего слабую долю с монотонностью парового молота. (Простите мне маленький ликбез. С одной стороны, любой человек, когда-либо имевший отношение к музыке, знает, что такое слабая доля, с другой – не все имели к ней отношение. Так вот, если такт музыкального произведения состоит из четырех четвертей, то сильными долями будет первая и третья (РАЗ – два – ТРИ – четыре), а слабыми, соответственно – вторая и четвертая (раз – ДВА – три – ЧЕТЫРЕ). Джаз, блюз и рок-н-ролл основываются на акцентировании слабой доли. Наш народ, воспитанный на маршах, генетически акцентирует сильную долю. Заставить наш зал хлопать на слабую долю практически невозможно. Поэтому я с большим недоверием отношусь к словосочетанию «русский рок».) Эта бешеная слабая доля делала со слушателем чудеса – если человек был не абсолютно глухой, он тут же начинал притопывать и покачиваться в такт. Песня звучала из открытых окон, ее заводили на танцплощадках, народ сочинил изумительно наивные русские слова – про то, что в каждой бомбе 16 тонн – в общем, она стала всенародным шлягером. Я слушал ее не переставая. Быть барабанщиком хотелось еще больше.

Барабанов не было. И стоимость ударной установки в магазине «Лейпциг» на Ленинском проспекте не позволяла надеяться на то, что барабаны у нас когда-нибудь будут. Строго говоря, один барабан был – пионерский, из «Детского мира», нагло-красный, с нечистой кожей неизвестного животного и болтающейся внизу хилой пружинкой для дребезга. В нем было что-то очень скверное, он не являлся музыкальным инструментом. Он был сделан без любви. Наверно, маршировать на плацу и кое-как расстреливать под него еще было можно, но в битловскую музыку он не вставлялся никак. Выбора не было.

Ранец звучал лучше. Ранец был твердый, достаточно ободранный, изрисованный Битлами и исписанный битловскими молитвами. Он имел два хромированных замка-зашелки, которые чуть-чуть блындали в своих гнездах, очень украшая палитру звука. Ранец всегда был полупустой – если доверху набить его учебниками, он не звучал, и я контролировал количество содержимого исходя именно из этого обстоятельства. Ранец клался на парту и по нему тихонько барабанилось руками. В голове при этом проигрывался альбом «Please, please Me». Звучал ранец божественно. Ведению урока это не мешало. Почти.

Я безумно хотел быть барабанщиком в группе, но все обстоятельства были против меня – некому было играть на гитаре, петь и показывать бас-гитаристу, какую струну где надо зажать в этот момент. Я понимал, что, сидя за барабанами, всё это делать я не смогу. Да и отсутствие барабанов, как таковых, в этом смысле подсознательно утешало.

Через год случилось чудо, и барабаны появились древние, побитые, но самые настоящие барабаны. Тут же оказалось, что по сравнению со звуками, которые издают они, мы звучим тихо и противно. Мы тянулись за ними как могли. За барабаны сел Юрка Борзов, барабанщик он был примерно такой же, как мы гитаристы, и это было совершенно не важно – Битлов мы любили одинаково безумной любовью. И эта любовь заменяла всё – умение петь, играть на инструментах, наличие самих инструментов и аппаратуры. Сейчас меня часто спрашивают: мечтали ли мы о славе, пришедшей много лет спустя. Нет, конечно, – вы что, с ума сошли? Слава – возможный результат процесса, мы же мечтали о самом процессе. Мы мечтали об аппаратуре: нам снились усилители, все разговоры были только о динамиках, микрофонах, лампах, дающих мощность в ваттах, сейчас представить себе это невозможно. Так вот, барабаны появились у нас чуть раньше, чем всё остальное.

Летом шестьдесят девятого я отрывался. Я удовлетворял свою ненасытную любовь к барабанам каждый день. Наступили каникулы, ребята разъехались, стояла страшная жара, и родители жили на даче. Я перевез ударную установку домой (в комнате она казалась нечеловечески огромной). Я подстелил под нее всё мягкое, что было в доме, установил ее лицом к открытой двери балкона, чтобы хоть часть звука уходила на волю, подоткнул двумя спичками проводок от моего магнитофона к радиоле «Эстония», врубил на полную мощность Битлов и сел за барабаны. Я самозабвенно грохотал в унисон с Ринго Старром по пять часов в день. Никто не объяснял мне, как держать палочки и какой рукой следует играть по хай-хэту (я даже не знал, что он так называется, до этого он назывался «чарльстон»). В дневное время все жители дома № 25 по Комсомольскому проспекту находились на работе, а пенсионеры, видимо, на дачах – думаю, что именно поэтому меня не убили и никто не сошел с ума. До сих пор помню многие барабанные партии Битлов, что называется, один к одному.

Мне так и не удалось побыть барабанщиком в группе – не всем мечтам дано осуществиться. Но любовь к барабанам осталась. Она вылилась в собирательство: из своих путешествий я привозил домой этнические ударные инструменты. Никакая это, конечно, не коллекция, коллекция предполагает определенную систему и обязательно конечную цель: например, собрать все типы барабанов Африканского континента. Мне же просто нравится слушать их голоса, иногда использовать в записи в качестве тонкой приправы, почти незаметной, но очень характерной краски. Самые любимые – индейские и якутские ритуальные бубны. Они обладают потрясающими голосами, и каждый день голоса эти звучат по-разному – конечно, это зависит от влажности воздуха, от температуры в доме, всё понимаю. И всё-таки от чего-то еще. Вместе с моим другом – знаменитым врачом-наркологом и психотерапевтом Марком Гарбером мы проводили удивительные эксперименты по заглядыванию в смежные миры с помощью унисонной игры на этих бубнах, и нам есть что рассказать специалистам, вам это будет неинтересно. Могу только вас заверить: шаман не просто так бьет в бубен, не для красоты.

Недавно в Москву приезжал японский ансамбль барабанщиков, в общем, эстрадно-танцевальный коллектив. Но на барабанах они играли на настоящих – на древних, огромных. Самый большой был выше человеческого роста, около двух метров в диаметре и больше всего напоминал сталеплавильный ковш. Я не удержался и после выступления пошел посмотреть барабаны. Меня познакомили со специальным японцем, который был к ним приставлен и ухаживал за ними, как ассистент дрессировщика за слонами. Я с удивлением заметил, что на этих огромных барабанах отсутствуют приспособления, позволяющие их настраивать – кожа была закреплена на корпусе намертво. «А зачем их настраивать? – в свою очередь удивился японец. – Они сами знают, как им звучать!»

Сами знают.

Искусство имитации сегодня семимильными шагами идет по планете. Человечество легко поддалось этой заразе: нам сегодня уже объясняют, что искусственный ароматизатор «Запах клубники» гораздо лучше самой клубники – и мы привыкаем. Ко всему человек, подлец, привыкает. Со звуками дело пошло значительно дальше – кулинария вообще самый консервативный жанр, а музыка всё время замахивается на революцию. И из всех видов имитации звучания живых инструментов на первом месте по качеству (и, соответственно, употреблению) – имитация барабанов. Называется это – «бескорыстный барабанщик». Сами звуки барабанов уже давно не синтезируются, семплы хранят в своей электронной памяти сотни настоящих ударов по лучшим барабанам, и удары эти произведены лучшими барабанщиками мира. И звучит всё очень похоже, вот только эта сволочь играет безукоризненно ровно. Нечеловечески ровно. И какая-либо эмоция в этой игре отсутствует.

Барабанщик всю жизнь учится играть ровно. Неровный, неритмичный барабанщик – беда для команды. И если удары у него непроизвольно отличаются по силе, а значит, по звучанию, пусть лучше меняет профессию. И всё равно в игре каждого хорошего барабанщика при-

существует свой штрих, своя интонация, что-то живое внутри этого ровного. Господа! Сердце тоже должно биться ровно, иначе доктор скажет, что у вас аритмия, и при всём при этом оно никогда не будет биться как метроном, правда?

У меня нет доказательств, но я знаю, что употребление человечеством музыки, нанизанной на бездушную механическую долбилку, добром для него не кончится. Мы впускаем внутрь себя неживой, нечеловеческий ритм, и живой ритм нашего организма вступает с ним в резонанс. Нельзя всё время есть консервированный заменитель мяса, какими бы приправами его ни посыпали. Мы мутируем незаметно для себя самих, но очень быстро. И не воспринимайте это как причитания и брюзжание старого пердуна, который боится электричества. Я абсолютно спокоен. И не хуже вас знаю, что прогресс не остановить. Только большой войной на небольшое время. И мне страшно интересно, во что превратится человечество в результате всего происходящего.

В какие такие флешки на ножках.

Про бас

С басом было совсем смешно. Я в принципе и в юные годы понимал, что то, что бухает внизу оркестра – это контрабас. Бас-гитара, появившаяся на горизонте неожиданно, в руках у Пола Маккартни, являла из себя загадку. Я видел ее на картинке и знал, что у нее в отличие от обычной электрогитары не шесть струн, а четыре, сосчитал по колкам. Было даже видно, что это не самые тонкие струны. Что эта гитара делает и как она звучит, я не знал. С помощью моего крохотного речевого магнитофона «Филипс» узнать это было и невозможно: динамик его величиной с крышечку от кефира низких частот не воспроизводил вообще. Бас-гитара в звучании моих Битлов отсутствовала напрочь (поэтому, кстати, и в первой моей группе «The Kids» барабаны и гитары были, а бас-гитары – нет). Я долго думал, зачем она Полу нужна, и решил, что он играет на ней всякие низкие сольные партии, скажем, в песне «Day Tripper», непонятно только было, зачем стоять на сцене с инструментом, который звучит так редко, в одной-двух песнях из всего альбома. По счастью, в шестьдесят девятом году в школу приехала выступить на новогоднем вечере группа «Атланты», я услышал бас-гитару и прозрел.

Святое время наивных открытий!

Бас-гитара потребовалась немедленно. Стало ясно, что это главный инструмент – после барабанов, разумеется. Настоящая бас-гитара была недостижима так же, как и настоящие барабаны. Выход был один – снять с обычной гитары струны и поставить на нее бас-гитарные. Проблема состояла в том, что бас-гитарные струны являлись еще большим дефицитом, чем сами бас-гитары. То есть чешские и немецкие (производства ГДР) басы раз в полгода выбрасывались на прилавки магазина «Музыкальные инструменты» на Неглинке и универмага «Лейпциг» на Ленинском проспекте, и струны на них стояли. Запасных струн в продажу не поступало. Инструменты в течение получаса сметались с прилавков бравыми фарцовщиками, чтобы на следующий день осесть в руках счастливых музыкантов по двойной, а то и тройной цене. Новый хозяин понимал, что гитару ему небо послало со струнами, и новых не будет. Поэтому примерно через полгода игры струны аккуратно снимались, сворачивались бубликом, укладывались в кастрюльку, заливались кипятком с добавлением соды и варились минут пятнадцать. После чего извлекались из кипятка, просушивались и аккуратно ставились на гитару опять. Считалось, что эта процедура продлевает им жизнь.

Не знаю. Теперь уже не знаю.

В общем, я придумал ставить на обычную электрогитару четыре виолончельных струны. Они были чуть толще гитарных и звучали гораздо мягче. Они и сами были гораздо мягче и очень быстро продавливались на ладах и переставали звучать совсем, но их хотя бы можно было купить в магазине. Проблема бас-гитары была временно решена. (Поразительное дело! Сам Маккартни рассказывал, что он в этом же возрасте и в такой же ситуации тайком выдирает басовые струны из школьного пианино. А мы-то думали, что только мы такие бедные были. Нет, рок-н-ролл во всём мире начинался примерно одинаково, на пустом месте.)

С появлением бас-гитары возникла новая проблема: ее надо было во что-то включать. Причем включать ее в транзисторный приемник «Спидола», магнитофон «Айдас» или проигрыватель «Юность», куда включались обычные гитары, было бессмысленно и даже опасно для вышеперечисленных приборов – маленькие хилые их динамики пукали, трещали, пока проводочки наконец не отлетали от диффузора, и прибор замолкал навсегда. Человек с паяльником был самой необходимой составляющей любой группы – гитаристов много, а он один. Для бас-гитары требовался отдельный усилитель со специальным низкочастотным динамиком. Советская промышленность выпускала такой динамик, но купить его в магазине, конечно, было нельзя. Назывался он «2-А-9», размерами и весом приближался к крышке канализационного люка и располагался в кинотеатрах и домах культуры за экраном. Оттуда его обычно и тырили –

либо сами музыканты, либо работники кинотеатра с целью загнать тем же самым музыкантам. А зрители в кинотеатре потом еще долго недоумевали: что-то звук у фильма сделался какой-то комариный – тихий и писклявый.

Какую замечательную выставку можно было бы сделать, если бы доплыли до нас по морю времени невероятные рукотворные усилители и колонки – пиленные и рубленые ящики в человеческий рост, обклеенные дерматином или крашенные тушью, украшенные чемоданными уголками, затянутые веселеньким ситчиком или капроном, с неподъемными динамиками ленинградского завода «ЛОМО» внутри! Каким неистовым желанием извлекать звук из электрогитар надо было обладать, чтобы на свет появились эти чудовища! И потрясенные зрители бродили бы среди этих боевых дредноутов семидесятых, смотрели и не верили.

Время, время...

Играть на бас-гитаре оказалось проще, чем ее озвучить. Надо было просто представлять себе, какой аккорд в этот момент берется на обычной гитаре (или просто следить за левой рукой гитариста) и зажимать самую толстую струну на том же ладу. Если при этом ты еще умудрялся брать эту ноту одновременно с большим барабаном, ты был очень хороший бас-гитарист. Самому мне первые годы на басу поиграть не удавалось – гитара была всё-таки важнее, и я применял эту разработанную мной методу к новообращенным Битлам, соглашавшимся попробовать себя в роли бас-гитаристов.

Работало безотказно.

Распутывать клубочек времени можно и дальше – и как появилась первая настоящая бас-гитара, и насколько беспомощным сразу оказался агрегат с виолончельными струнами, так любовно мною изготовленный, как мы мотались по городам и весям (чаще – по весям), когда до столицы доползал слух, что где-то в Новочеркасске живет безумный изобретатель, построивший по собственному проекту динамик невиданной силы, и сколько было радости и разочарований. Конечно, очень здорово, что сегодня любой может зайти в магазин и выбрать себе инструмент или усилитель по вкусу и возможностям – были бы деньги и желание. Я не то что не верил в такое будущее – это просто невозможно было себе представить по определению. Единственное, что мы потеряли, – это возможность испытать нечеловеческое счастье, когда после всех мытарств и неудач ты наконец становишься обладателем долгожданной гитары или ящика с японским динамиком внутри.

Ну да бог с ним, со счастьем.

С контрабасом связаны совсем другие ощущения. Контрабас не являлся битловским инструментом, поэтому любовь к нему возникла значительно позже: когда, уже объевшись разнообразным рок-н-роллом, я стал замечать, что звучит иногда вокруг и другая музыка.

Ходить далеко было не надо. Отец очень любил джаз и слушал его дома постоянно – к этому моменту у нас уже появилась радиолка «Эстония», довольно прилично по тем временам воспроизводившая низкие частоты, так что контрабас был слышен. Контрабас нравился со всех сторон: внешним видом, то есть размерами, и звуком. Размеры потрясли – такая огромная скрипка! В этом было что-то сюрреалистическое. Человек, несущий по улице контрабас, вызывал острую смесь сочувствия и уважения. Что же касается звучания – контрабас оказался гораздо более эмоциональным инструментом, чем бас-гитара – он практически разговаривал. Гриф, лишенный ладов, давал музыканту гораздо больше возможностей выражать свои эмоции. Он же по той же причине был значительно более строгим, требовал более точной игры. В общем, по всем параметрам контрабас получался более серьезным инструментом. Очень хотелось попробовать самому извлечь из него звук, но ни контрабаса, ни контрабасистов в достижимом радиусе не появлялось – в московском рок-н-ролле контрабас не использовался, а джазисты ходили своими дорожками, считая рокеров музыкальными недоносками и не подавая им руки. Поэтому первый контакт произошел не так уж давно – лет десять назад, когда я в поисках новых красок решил записать пластинку с группой «Папоротник». Это была такая

развеселая, почти уличная команда, и в составе у них были скрипка, аккордеон, ударные и контрабас. Гитара как раз отсутствовала, что меня и привлекло, хотелось немножко от нее убежать, к тому же моей собственной было вполне достаточно. Наличие же контрабаса сыграло главную роль – я уже влюбился в этот огромный нелепый инструмент. Контрабасист в «Папоротнике» оказался, прямо скажем, не очень. Но, во-первых, выбирать было не из кого, а во-вторых, мне на первых порах хватало самого контрабасного звука – партии можно было играть самые простые. Сочетание низкой бархатной ноты контрабаса с аккордом моей акустической гитары вызывало у меня трепет – особенно если удавалось взять и то и другое одновременно.

В искусстве имитации звучания живых инструментов электроника продвинулась далеко, но успехи по всем фронтам разные. Весьма похоже могут звучать барабаны, бас-гитара. Похоже звучит струнный оркестр. С роялем немного хуже. С духовыми хуже. А вот с контрабасом беда – звук его настолько живой, настолько богатый обертонами и настолько разный в зависимости от нюансов игры, что ни в какие электронные консервы он не помещается – обман сразу слышен. Правда, играть на контрабасе должен мастер.

Вообще на любом инструменте должен играть мастер, но при игре на контрабасе нехватка мастерства особенно заметна. Когда я это понял, в команде появился великолепный контрабасист, а еще – потрясающий пианист, а еще фантастический барабанщик, а еще отличный трубач, и называться команда стала «Оркестр Креольского Танго».

Но это уже совсем другая история.

И еще раз про гитару

Казалось бы, хватит уже, сколько можно. Не могу, снова и снова возвращаюсь к великой загадке гитары. Сколько музыкальных инструментов придумало человечество, а именно гитара стала самым любимым и самым народным. Почему? Думаете, из-за Битлов, из-за рок-н-ролла?

А не наоборот?

Не рок-н-ролл ли появился благодаря гитаре? Не гитара ли увела твист и буги от элитарного джаза в народ? Не народная ли любовь заставила умельцев тридцатых годов подарить гитаре электрический голос? А до этого был блюз – и он тоже родился благодаря гитаре. А еще гитара была оружием бардов по всему миру. А еще она пела в руках цыган по всему свету. А еще...

Во-первых, гитара – какой-то очень соразмерный человеку инструмент. В соотношении размеров человека и гитары спрятано золотое сечение (не промерял, но убежден – глаз не обманывает). На Гавайских островах играют на маленьких гитарках. Такая гитарка называется «уклел» или «укулеле», она меньше обычной в два, а то и в три раза и звучит гораздо выше (это, кстати, и есть настоящая гавайская гитара, а не то, что мы привыкли ей считать. То, что мы привыкли, называется «steel guitar» и выглядит и звучит совсем иначе). Так вот, это очень забавный инструмент, но всерьез полюбить его на всю жизнь невозможно, хочется сдать в кукольный театр. Как нас при Совке заставляли полюбить русские народные инструменты – балалайку, например. Или украинскую домру. Гитара, напротив, не поощрялась – она считалась символом мещанства. Не получилось – не заиграли барды на балалайках.

Диапазон гитары совпадает с диапазоном человеческого голоса – это свойственно совсем не каждому инструменту. Поэтому очень часто в песнях – «Поговори же ты со мной, подруга семиструнная...» – у гитары человеческий голос, с ней можно говорить дуэтом. Мне кажется, это важное качество.

Далее. Овладеть гитарой просто. Поймите меня правильно. Я говорю не о вершинах исполнительского мастерства. Я говорю о том минимуме, который позволит вам задушевно напевать в компании десятков любимых песен. В общем, три аккорда. Вы освоите их за неделю. Применительно к скрипке этого времени не хватит даже на то, чтобы научиться ее правильно держать. Рояль испугает вас количеством черных и белых клавиш, да и таскать его с собой сложно. Баян... в общем, баян не пошел.

А гитара пошла.

Я берусь за неделю обучить трем аккордам медведя. Если ему постричь когти. И если он проявит хоть малейшее желание.

Исключения крайне редки. Никогда не забуду своего школьного учителя физкультуры Игоря Палыча. Он обожал песни Высоцкого, а я ненавидел физкультуру, поэтому соглашение родилось само собой – я научу его играть на гитаре, а он закроет глаза на мои нерегулярные посещения его предмета.

Игорь Палыч действительно освоил необходимые три аккорда крайне быстро. Он даже запомнил, в какой последовательности их следует зажимать, чтоб получился Высоцкий. Дальше происходило невообразимое: Игорь Палыч брал первый аккорд и начинал осторожно петь. Причем темп его пения чуть-чуть либо отставал, либо опережал темп его игры. И если в первом куплете это еще можно было терпеть, стиснув зубы, то к середине второго песня неумолимо разъезжалась в разные стороны. Я пробовал повторить это чудо полиритмии – у меня даже близко не получалось.

Недавно мы с Сашей Розенбаумом и маленькой компанией друзей путешествовали на лодке по реке Парагвай – это юг Бразилии. Места вокруг простирались дикие, мы днями не встречали ни одного человека. А на пятый день наткнулись на крохотную деревушку –

школа и домик учителя. В эту школу свозили индейских детей со всей округи. Их там училось восемь человек разного возраста. Школа представляла собой соломенную хижину – три стены и крыша. И на одной стене висело восемь гитар – по количеству учеников.

Это была не музыкальная школа. Обычная.

Здорово, да?

Человечество глохнет

Человечество глохнет. То есть оно и слепнет, и глупеет, но это темы для другого исследования. Среда, окружающая нас, с каждым днем становится насыщенней и агрессивней, и у нашего организма один выход – спасать себя. А значит – защищаться.

В естественной, природной среде каждый звук ценен, потому что он несет тебе конкретную и важную информацию. Зашумело в ветвях – значит, начинается ветер, застучали капли по листьям – пошел дождь, хрустнула ветка – кто-то идет, не к тебе ли?

Жизнь в городе наполнена несметным количеством совершенно бесполезных для тебя звуков: несутся машины под окном, пролетел самолет, грузчики матерятся во дворе, разгружают трубы и эти трубы жутко гремят, в телевизоре кто-то хохочет или рыдает. Сосед-сволочь второй день сверлит стену – и что тебе от этого знания? Учимся не замечать.

И вот мы начинаем бояться тишины. Чувствуем себя дискомфортно. Придя домой, сразу включаем телевизор – не смотреть, нет, он вообще в другой комнате – просто чтоб кто-то разговаривал. Я знаю девушек, которые элементарно не могут общаться, если в качестве фона не играет какая-нибудь музыка – всё равно какая.

А музыка – это, вообще-то, чтобы слушать.

О каком, к черту, качестве звука мы говорим?

Один мой товарищ рассказал мне об очень интересной теории – теории ухудшающей конкуренции. Представьте себе компанию, выпускающую музыкальные комбайны – бытовую музыкальную технику. Их техника являет собой эталон стабильного среднего качества – хороший ширпотреб. Эта компания завладела рынком, и что должна сделать конкурирующая компания, чтобы ее подвинуть? Самый простой способ – выбросить на рынок аналогичный продукт за меньшую цену. При этом и качество его несколько понизится, это неизбежно, но об этом мы кричать не будем, а вот о том, что на рупь дешевле – обязательно. Сработало, и вот уже продукция победившей компании заполняет рынок, и ее чуть пониженное качество назавтра становится эталоном. Что должны сделать следующие конкуренты? Правильно!

Это несколько упрощенная схема, но в целом понятно, правда?

Когда мы записывались на студии «Эбби Роуд» (мы поехали туда не за пафосом и не из желания быть, как Битлы, клянусь. Мы поехали за Звуком), я пел в микрофон «Пато Маркони», изготовленный в одна тысяча девятьсот сорок восьмом году. В этот же микрофон в свое время пели Элла Фитцджеральд, Фред Астер, Джон Леннон. Микрофонов этой модели на студии «Эбби Роуд» семь (а самой студии, на минуточку, семьдесят шесть лет!), их там берегут как зеницу ока – не потому что в них пели великие, это студия, а не музей – просто они звучат так, как никакие другие микрофоны в мире не звучат. Самые современные не звучат. Странно, правда? Вроде и наука идет вперед, и технологии не стоят на месте.

MP-3 – очень удобный формат. Скачал две тысячи песен в спичечный коробок и ходишь себе, слушаешь. Звучит, конечно, чуть хуже, чем CD, но ведь это только чуть-чуть – зато две тысячи! А разницу в качестве звука ты через час уже и замечать перестанешь. А завтра и сидишки канут в прошлое – как устаревший носитель. И неумное человечество придумает новый – какой-нибудь MP-6, и можно будет уже десять тысяч песен мгновенно скачать себе под ноготь или в специальное дупло зуба, а то, что звучит это дело чуть хуже, чем MP-3, – ерунда, привыкнем.

Есть еще в мире обеспеченные безумцы, приобретающие себе за огромные деньги суперхайэндговскую студийную акустику, ламповые усилители, вертушки на мраморных столах и провода с платиновыми контактами, чтобы всё это соединить. Это не из желания расстаться с деньгами – это ради настоящего Звука. Динозавр последний раз бьет хвостом. В мире даже наблюдается возрастающий интерес к винилу (боюсь, увы, ненадолго), и на нем переизда-

ются старые альбомы и кое у кого выходят новые. А винил отличается от CD на столько же, насколько CD от MP-3, и словами это описать невозможно – это надо услышать.

Если пока еще есть чем.

Совсем недавно изобрели электронную музыку. (Я имею в виду не электрогитару, где живой звук инструмента усиливается и, если надо, трансформируется. Я говорю о синтезированных звуках.)

Человечество ахнуло – какая красота! Да это новое рождение музыки! Да здравствует прогресс! Прошло несколько лет – наигрались. Новорожденное чудо оказалось пустышкой, годной разве для озвучивания низкобюджетных фантастических фильмов. Ибо жизнь в мертвые звуки не вдыхалась. Всё там было – кроме живых обертонов, делающих неживой голос живым. То есть того, что отличает живые инструменты. Человек слышит за время жизни, наверное, сотни тысяч голосов, а голос своей любимой узнает даже через телефонные помехи мгновенно.

Какие мы, оказывается, разборчивые!

Тогда электроника кинулась имитировать живые инструменты. В самом деле – что проще: возить с собой симфонический оркестр или небольшой клавишный инструмент, этот оркестр практически заменяющий?

Практически. Это слово в русском языке выполняет довольно странную функцию, а мы и не задумываемся. «Я практически не опоздал» – это значит всё-таки опоздал. «Я практически попал в цель» – значит не попал! Практически заменяющий – не заменяющий.

Либо заменяющий, согласно теории ухудшающей конкуренции. И соответственно – нашей растущей глухоте.

Стремясь уйти от электронного звука, придумали мелотрон. Это и не электронный инструмент – на кольца пленки записаны ноты, сыгранные на живых скрипках, виолончелях, духовых. Ноты, сыгранные хорошими музыкантами. Нажимая на клавиши, ты включаешь звучание этих записанных нот. В основе всё живое, правда?

Попробуйте записать на любой звуконоситель сто слов, произнесенных лучшими чтецами, а потом составить из этих слов рассказ. Вам станет страшновато – люди так не говорят. Это вы сегодня еще заметите. Пока. А разве со скрипками не то же самое?

Отличите, нет?

Сегодня мелотрон уже стоит в музее. Кольца магнитофонной пленки заменили на микрофоны, несущие цифровую информацию.

И что изменилось?

Хороший биг-бенд – это когда роскошные щеголеватые ребята хором рассказывают тебе веселую и слегка интимную историю. Держат тебя за своего. Партия этого же биг-бенда, сыгранная нота в ноту на электронном заменителе, может, и вызовет в твоём воображении сверканье дудок и белые пиджаки музыкантов, а лиц ты уже не увидишь, и никакой сопричастности не ощутишь, и из истории уйдет весь шарм и вся соль. Анекдот без последней фразы.

Ну, натуральная кожа и кожзаменитель – так понятно? С двух метров – один к одному, а на ощупь – не то, и пахнет дерьмом, и вся спина вспотела.

И вот еще что. Никогда в истории человечества музыка не вела себя по отношению к человеку так агрессивно. Она всего каких-то сто лет назад стала достоянием, как сказал бы Ленин, широких масс. Одновременно с изобретением звукозаписи. А до этого светская музыка была привилегией человеческой верхушки (это, дай бог, одна тысячная часть населения), церковная музыка жила в храмах и соборах, а народ развлекал себя сам, правда, это тоже была музыка. Три этих направления не пересекались, и музыка не гонялась за человеком и не набрасывалась на него. Любое исполнение музыкального произведения – даже в крепостном театре – было единственным и уникальным, и нельзя было поворотом ручки убрать громкость или нажать на «стоп», если, конечно, барин не выходил из себя. С изобретением радио музыка

хлынула в наши уши, а звукозапись сослужила двойную службу: с одной стороны, у каждого появилась возможность услышать великих музыкантов и великие произведения, с другой стороны, оказавшись на пластиночке, музыка девальвировалась до «чего изволите?». «Сними Паваротти, поставь Моцарта, сделай потише и пусть несут горячее!»

Сегодня музыка несется на нас отовсюду, только электроутюг еще не поет, но это ненадолго. Причем это не та музыка, которую мы хотели бы слышать. Вы хоть помните, чего вы хотели? Или вам так и не дали понять? Смиряемся, выбираем из того, что есть, переключаем диапазоны радиостанций – одна другой лучше.

Жуем кожзаменитель.

Друзья мои. Шесть с половиной миллиардов людей, населяющих нашу планету, плывут в неизвестное будущее бескрайней рекой, и мы с вами – песчинки в этом потоке. И если вы думаете, что вы волей своей и действиями способны изменить это течение, умерьте гордыню. Мы думаем, что мы делаем, а на самом деле с нами происходит (это, кажется, Гурджиев). Но... Нам с вами посчастливилось родиться и жить на удивительном повороте этой реки, в эпоху Великой Музыкальной Революции, и мы свидетели уникальных музыкальных событий и явлений, и чудо нашего момента состоит в том, что еще помнят и чтят Великих Позавчерашних, еще любят Великих Вчерашних, и пока есть возможность услышать Великих Сегодняшних. Будут ли Завтрашние? Бог даст, будут. Конечно будут. Просто Река бежит быстрее и быстрее, а за поворотом – понесет, и не будет уже ни Позавчерашних, ни Вчерашних, их место займут редкие Сегодняшние и то вряд ли: не такие уж они и великие, а память человеческая стремительно укорачивается обратно пропорционально скорости течения.

Вы еще не поняли, что нет ничего Вечного?

Так вот, мы с вами сегодня на удивительном повороте. И у нас еще есть возможность услышать грозные библейские пророчества Баха, светлые и грустные повести Рахманинова, милые женские рассказы Шопена, безумные саги Майлса Девиса – истории без слов. Есть еще возможность пропустить через себя электричество Битлов, языческие пляски Джаггера, восхититься полетом голоса Эллы Фитцджеральд, с удивлением ощутить улыбку на лице, слушая трубу Армстронга.

Мы еще не потеряли способность вдруг заплакать от сочетания нескольких божественных звуков – как нас ни глушат.

Не упускайте свой шанс, друзья мои. Жизнь коротка.

Что за жвачку вы там жуете? Выплюньте немедленно!

Москва – Кабо-Верде, 2008

Чудеса

В шестидесятые годы – я как раз заканчивал школу – необыкновенной популярностью у нас, да и в мире пользовалась научная фантастика. В девяти случаях из десяти действие происходило на космическом межпланетном фоне. (Интересно, как этот фон из сегодняшней фантастики ушел – совсем. Теперь – мистика на фоне быта.) Одной из главных тем была победа умных машин, сделанных людьми, над самими людьми, размякшими от хорошей жизни.

Полгода назад американцы подарили человечеству новую игрушку – айпад. Я, надо сказать, ко всем этим новинкам абсолютно равнодушен и компьютер воспринимаю исключительно как пишущую машинку со встроенным почтовым отделением. Мой товарищ в этом смысле – полная мне противоположность. Он так умолял меня купить ему эту фиговину (а я как раз ехал в Штаты), как будто от этого зависела вся его дальнейшая жизнь.

В назначенный день – первый день продаж – я стоял у магазина «Эплл». Очередь по длине и возбужденности напоминала очередь за пивом году в семьдесят пятом, когда его наконец подвезли. Удивляясь тому, что и в Нью-Йорке бывают очереди, я отстоял минут тридцать и получил запакованную коробочку. Это у нас компьютеры распечатывают, смотрят, всё ли на месте, включают – а вдруг не работает! А тут – никакой заботы о человеке. Как пачку соли продали.

Товарищ был счастлив. Он бегал по городу, неся машинку гордо, как знамя, не выключая ни на минуту и стараясь поймать восхищенные взгляды друзей, знакомых и случайных прохожих. Эйфория угасла недели через три, когда у окружающих стали появляться такие же.

А я пытался вспомнить нашу жизнь без мобильных – это ведь было совсем недавно. И жили, и назначали встречи, и были, между прочим, гораздо ответственнее: отстоишь очередь к автомату, прорвешься через бесконечное «занято» (у нее в коммуналке три семьи, а телефон один), договоришься о встрече – послезавтра в семь ноль-ноль на Пушкине – и всё, железно. Если не пришла – что-то очень серьезное случилось. Я такого даже не помню. А теперь – сто раз перезвонишь, три эсмэски отправишь – про то, что в пробке застрял, потом она поменяет место встречи, а потом окажется, что она вообще сегодня не может – она просто забыла, у нее дела. Зыбко живем. Попробуйте представить себе день жизни на планете без всей этой электронной бодяги – ладно, уличные телефоны-автоматы оставим (хотя звонить-то уже некуда – по-моему, домашние аппараты доживают последние дни). Мы превратимся в глухих и слепых беспомощных амеб. Мы понаделали себе множество опасных костылей и разучились без них ходить. Роботы нас давно победили. Привет вам, мистер Айзек Азимов! Как в воду глядели.

А знаете, что самое смешное? То, что вот эти строки я сейчас пишу на этом самом айпаде. Своем. Удобный, собака.

Архитектурному

Любите ли вы архитектурный?

Нет, любите ли вы архитектурный, как люблю его я? Этот волшебный ветер свободы творчества и свободы Духа, который так опьянил меня в семидесятом, и не ушел, и пьянит меня до сих пор? Как он ошеломил меня тогда, после обрыдшей школы! Мы – взрослые! Нам – всё можно! Но главное – мы художники! (Мы ведь поступили!) А станем – гениальными художниками! Нас научат!

Но до этого – подготовительные курсы по рисунку. В церкви! Конечно, в церкви, ибо рисование – священнодействие. Магическая тишина, которая едва нарушается шорохом грифеля по бумаге. И – неслышные шаги учителя за спиной, и вдруг – прямо тебе в ухо – шепотом (можно ведь было и вслух! – нет, шепотом!): «Проверьте вот тут и тут...» И – две-три легкие линии поверх твоих мучений. И – елки-палки! Как же я сам не видел! И почему мы все рисуем не голову Дорифора, а, оказывается, самих себя?

Утренние лекции в Красном зале. Любопытство и жажда знаний, борющиеся со сном (с переменным успехом, надо сказать). И не потому что неинтересно, а потому что – кто же спит ночью? И вот – спасительный звонок, двенадцать ноль-ноль. И – бегом вниз по лестнице в столовую по странному коридорчику с наклонным полом (а в буфете, между прочим, продается пиво, и совсем не считается грехом перед следующей парой выпить стаканчик дивного «жигулевского» напитка – мы же взрослые! А по причине высокого оказанного доверия никто и не перебирал). И потом сразу – курить на Фонтан! Фонтан – это алтарь, и, прикоснувшись к его теплому камню даже задницей, светлеешь и очищаешься!

Любимые часы – рисунок, живопись, проект. Нелюбимые – математика, сопромат, а особенно – история КПСС. «Макаревич, вы спите! Встаньте и выйдите!» Конечно, сплю.

Наверно, были такие, кто любил сопромат и транспорт больше, чем рисунок и проект. Надеюсь, из них вышли хорошие инженеры.

А потом, после занятий, можно было пойти замечательной компанией на Полторы или на Пушки. И совершенно спокойно преподаватель любимого предмета мог оказаться в этой компании, и было в этом нечто избранно-лицейское, и пиво пилось возвышенно и в чрезвычайной степени духовно.

А диплом? Шесть безумных месяцев, когда ночи и дни перемешались и поменялись местами, с раскладушкой в загоне из подрамников в номерах бывшего дома свиданий мадам Петуховой? Невозможный запах весны и кухни ресторана «Узбекистан» ломится в наши открытые окна. На кухне «Узбекистана» нас любили, и всё, что мы ни просили навалить в кастрюльку, стоило – рубль. Обед в полночь, потом выгнать всех из закутка, помыть кастрюльку, покурить, и – отдохнувшим взглядом – на подрамники. «Нет, всё надо по-другому!» Средняя площадь рукотворного диплома была 16 кв. м – шестнадцать метровых подрамников. (У меня было, кажется, двадцать три! И, ей-богу, это было красиво!) Как выглядят дипломы сейчас? Я, увы, не знаю. Кто-то мне тут посетовал недавно, что, мол, зря нас учили отмывать, чертить ручную и вообще делать «подачу» – не нужно теперь всё это. Как не нужно? А как бы еще тебя научили отличать красоту от некрасоты в сделанном твоими руками? На экране монитора? Или, может быть, тебя так и не научили?

Меня научили. Говорю об этом без всякой ложной скромности и горжусь этим, хотя последний раз занимался профессией двадцать лет назад. Нет, неправда – я занимаюсь ею постоянно, ибо что такое архитектура, как не организация хаоса в божественный порядок? А колонны это, ноты или строки стиха – дело десятое. Законы Ритма, Пропорции и матери Гармонии – едины.

Низко кланяюсь всем, с чьей помощью я эти законы постигал. Всем своим Учителям. Даже командиру военной кафедры Петру Макаровичу Холодному, ради которого я бинтовал свою голову два раза в неделю – не стричься же было, в самом деле. А еще – всем своим сокурсникам. Мы были вместе, и нам было прекрасно. А еще – стенам родного МАРХИ: простояли столько лет и, бог даст, простоят еще столько же и сохранят внутри себя этот удивительный дух Искусства.

Дай бог.

Благородство

Хотите историю про благородство? Пожалуйста! Я тогда еще был совсем маленьким – кажется, только пошел в школу. Потом мои родственники забрали меня к себе на дачу в Купавну. За фанерным дачным поселком тянулись бесконечные искусственные пруды – рыбхоз. В них разводили карпов. Охранял пруды сторож дядя Володя – сухой седой дед, похожий на писателя Сергея Сергеевича Смирнова, и его овчарка Дези. (Интересно, кстати: в годы моего детства каждую вторую овчарку звали Дези. Сейчас и имени-то такого нет.) Я дружил и с дядей Володей, и с его овчаркой.

Однажды вечером они вдвоем зашли к нам на дачу, и дядя Володя между делом сказал, что на рассвете он собирается на охоту – на куликов. Я просто весь задрожал – так мне хотелось попасть на настоящую охоту. Видя мои страдания, дядя Володя сказал, что запросто может взять меня с собой – пройдет мимо нашей дачи, тихонько стукнет мне в окно, и мы отправимся вместе.

На охоту!

Не надо говорить, что всю ночь я не сомкнул глаз. Я боялся, что задремлю, дядя Володя стукнет тихонько, как обещал, а я не услышу, и он уйдет один. Светать начало часа в четыре. В пять было уже светло, а дядя Володя всё не шел. Потом утро стало превращаться в день, подул ветерок, начали просыпаться дачники в соседних домиках, и было件нятно, что время охоты прошло, а я всё ждал. В десять часов я не выдержал и отправился в сторожку к дяде Володе.

Дверь была открыта, дядя Володя тяжело спал на топчане прямо в одежде, Дези спала на полу у его ног. Видно было, что вчера они сильно выпили. Дези учуяла меня, проснулась, застучала хвостом по полу, дядя Володя тоже проснулся, увидел мое горе и всё понял. И тогда он сказал: ничего, проспали, конечно, но раз собирались – на охоту всё равно пойдем. И снял со стены двустволку.

Мы вышли втроем из сторожки. Стоял жаркий летний день, кулики, если они вообще здесь водились, давно улетели на свои болота. Метрах в пятнадцати от нас в дорожной пыли возились воробьи. Дядя Володя замер, тихо шепнул мне: «Давай!» – и протянул огромное тяжелое ружье. Я прицелился и оглушительно бабахнул. Меня чуть не убило отдачей, я временно потерял слух. А дядя Володя нагнулся и собрал на ладонь пять насмерть убитых воробьев. «Отличный выстрел, – произнес он, – в два часа жду тебя на шурпу».

К двум часам слух ко мне частично вернулся, и я пришел к дяде Володе на шурпу. Стол был накрыт скромно и с достоинством, в шурпе плавали все пять добытых птиц, и лучшей шурпы я не едал. И мы сидели втроем за столом, не спеша пиروвали и говорили о всяких важных охотничьих делах.

Вот скажите – это мне так повезло с дядей Володей или раньше люди вообще были почутче? Или и то и другое?

Владивосток

Владивосток – замечательный город. Правда, очень далекий. Но он настолько замечательный, что с этим можно мириться. И я обожаю туда приезжать. А в тот раз мы еще ехали в самый сезон – конец сентября, бабье лето. В общем, мечта.

Во Владивостоке светило солнце, шел кинофестиваль, по улицам гуляли красивые девушки, в океане стоял полный штиль. Мы отыграли клубный концерт, завтра должно было состояться выступление на городской площади – в честь закрытия кинофестиваля. На следующий день погода испортилась, с океана дунул ледяной ветер, «северняк», как говорят местные, океан из голубого сделался серым, по нему поползли барашки. Вдобавок ко всему с неба посыпался мерзкий осенний дождь. Сцена для нас уже была построена, и звук настроен, но даже если бы ожидалось выступление сэра Пола Маккартни, я бы вряд ли оказался среди зрителей в такую погоду. К вечеру ветер усилился, звуковой пульт залило водой, и его пришлось срочно менять, одежда сцены трещала по швам, а шатер, в котором должна была находиться наша гримерка, просто сдуло ветром – как домик девочки Элли в «Волшебнике Изумрудного города». Нас там, к счастью, в этот момент не было – мы подъехали чуть позже, нам устроили гримерку в автобусе, мы пили горячий чай с водкой и меняли концертные майки на свитера. Психология зрителя имеет забавную особенность: его не интересует, что на сцене была температура восемь градусов, или что кто-то из артистов плохо себя чувствовал, или организаторы концерта обманули и поставили не тот аппарат, который обещали, а гораздо хуже, из-за чего звук плохой, – виноваты во всем всё равно будут артисты. Поэтому если уж ты вышел на сцену – все скидки отменяются.

Я, честно говоря, не ожидал увидеть большое количество зрителей на площади – очень уж не концертная была погода. Тем не менее их оказалось много – самых отчаянных фанатов «Машины», готовых слушать любимую группу в любых условиях. Но самое удивительное было не это: огромное пространство от сцены почти до середины площади было отгорожено барьерами, на нем сиротливо топтались два милиционера – им явно было неуютно в такой пустоте, а наши зрители жалась по ту сторону барьеров, и было до них метров семьдесят. Если бы их пустили в отгороженное пространство – они бы заняли его наполовину, не более. Что я и предложил сделать немедленно. Заботясь, кстати, не только о них: нет ничего противнее, чем петь и играть в пустоту. Ко мне прибежали возбужденные организаторы концерта и милицейский начальник и закричали наперебой, что это совершенно невозможно – это VIP-пространство, и сейчас сюда приедет губернатор. Мои доводы насчет того, что ни один нормальный губернатор в такую погоду сюда не приедет и что он уже слушал нас вчера (а он и правда вчера приходил), не имели успеха. Мне в ответ кричали, что это вообще не в их компетенции, и при этом всё время показывали пальцем в небо – как будто распоряжение дал Всевышний. Люди на площади мерзли, надо было начинать. И мы вышли и отыграли концерт. Хороший. И народу набежало много, и все радовались и пели «За тех, кто в море», как будто нас не разделяла полоса отчуждения, и даже дождик прекратился, и, конечно, никакой губернатор не приехал.

А потом мы тряслись в автобусе по дороге в гостиницу, и я думал, что мы станем полноценными гражданами полноценной страны не когда «Лада Калина» обгонит «Мерседес» по боевым качествам и не когда наши станут чемпионами мира по всем видам спорта, а когда внутри нас самих умрет наконец это позорное рабско-барское средневековье. Если, конечно, когда-нибудь умрет. А тогда и «Лада Калина» поедет, и на спортивных полях нам не будет равных.

Вот увидите!

Маленький гимн метро

Еду в машине, стиснув зубы, слушаю очередной рекламный шедевр – какой-то хлюст приторно-элитным голосом вещает про экстремодные очки стоимостью с автомобиль: «Наш адрес – «Суперхаус» в Барвихе!». И – с издевочкой: «Метро там, к сожалению, нет». Дескать – не для вас, чумазах. Убил бы хама.

В детстве я обожал метро – настоящее подземное царство! И там еще ездят поезда! Стоишь у края платформы, а из черной пещеры тоннеля сначала дует теплый ветер, потом загораются в глубине два глаза, они несутся на тебя, и вот – с восхитительным звуком – поезд! Шипит, останавливается. Поезда немножко похожи на игрушечные, потому что чуть меньше настоящих – скучных и зеленых. Изнутри они такого волшебного желто-блестящего цвета (да еще с какими-то елочками!), что кажется, их покрасили гоголь-моголем и он еще не застыл – хочется лизнуть. Два ряда хромированных стоек: возьмешься рукой, отпустишь, и, как на зеркале, медленно тает матовый след. А можно прислониться лбом к дверному стеклу (хотя на нем как раз написано «Не прислоняться!») и смотреть в пролетающую темноту – там, оказывается, не совсем черно, а видны стены тоннеля, то плоские, то покатые, и бесконечные кабели, а то вдруг откроется второй путь и по нему пронесется встречный сверкающий поезд – так быстро и близко, что твой вагон качнет упругим вихрем. А еще иногда видны совсем уже загадочные уходящие во тьму пространства – лесенки, дверцы с непонятными надписями, и ясно, что за ними живут какие-то таинственные секретные люди. Это же с ума сойти!

А чтобы попасть в это подземное царство, надо было купить в кассе с полукруглым окошечком билет – один или целую книжечку. Билет стоит пять копеек, а книжечка – пятьдесят. Билет на тонкой хрустящей желтой бумаге, на нем мелким черным шрифтом какие-то глупости и цифры, посередине – большая красная буква «М» и внизу – красная сеточка с надписью «Контроль». Этот контроль при входе отрывает тетенька в кителе и красном берете – прямо как в кино! Интересно, сохранился у кого-нибудь такой билетик – хоть один? Уже потом, когда я учился в школе, в метро поставили чудо техники – автоматы, все в полированном дереве, как серванты. Проход стоил пятак. А выменять их можно было в другом автомате – железном и сером, он висел на стене. Бросаешь гривенник – с грохотом вылетают два пятачок. Мы почти в космосе!

Сколько раз я спускался в метро? Десять тысяч раз? Или двадцать? И как же давно это было!

Недавно я ехал на съемку и страшно опаздывал. Москва безнадежно стояла. И тогда я бросил машину практически посреди Таганской площади и кинулся в метро. Входя в стеклянные двери, заробел – даже не знаю, сколько сегодня стоит вход и как платить! Вроде как решил неожиданно зайти к человеку, которого не видел сто лет, – вспомнит ли, узнаю ли? Ничего – подсмотрел, разобрался.

Внизу ничего не изменилось. Ну, почти. Очень боялся, что на меня набросятся с автографами – ничего подобного: видимо, мой образ не проецировался на образ пассажира метро – не узнавали. Только вдруг подошел уже в вагоне один знакомый (бизнесмен, между прочим!) и, совершенно не удивившись, продолжил беседу, которую мы с ним вчера прервали по телефону. Ни фиги себе! Доехал за десять минут.

А вы? «Метро там, к сожалению, нет...» Ну и плохо, что нет!

Джаз

Я хочу рассказать вам про джаз только из желания поделиться счастьем. А счастье вызвано тем, что джаз пускает меня к себе – он, как Мона Лиза, сам решает, кому нравится и кому позволять себя любить. И если вы считаете, что джаз – это занудная какофония для интеллектуалов и снобов, не расстраивайтесь. Слушайте Стаса Михайлова.

Так вот. Джаз – это искусство искусств. Это вершина музыкального творчества, потому что он и есть творчество в самом своем чистом виде. Джаз – это только здесь и сейчас, он рождается при вас под пальцами музыкантов, и второй раз эта пьеса не прозвучит так никогда. И музыкант в джазе – именно творец, и не с десяти до шести за рабочим столом, а вот прямо тут, на этой клубной сценке, перед вами, и вы свидетель ежесекундного рождения музыки. Поэтому джаз нельзя играть вполноги, он забирает тебя целиком, всего, и именно поэтому многие великие джазмены уходили молодыми, до смерти загнав себя алкоголем и наркотиками, – в какие бездны они погружались! Именно поэтому многие великие джазмены доживали до рекордных лет – в какие светлые выси они воспаряли!

Умение импровизировать – высочайший дар, и в этом смысле джазовые музыканты стоят на вершине Олимпа – отсюда нищета и величие: они к вам не спустятся, а вы – поднимайтесь. Если сможете. Азбука джаза – стандарты. Это популярные пьесы и песни, написанные пятьдесят-сто лет назад. Вы не поверите – был в истории человечества такой отрезок, когда мода требовала сочинять красивые, иногда непростые мелодии и создавать изумительные оркестровые аранжировки. И они становились популярными, то есть любимыми народом. Невероятно, правда? И звучат они в джазе до сих пор – в бесчисленном количестве вариантов. Стандарт – свидетельство проверки музыки на качество, а значит, на долгую жизнь. Средний джазовый музыкант знает сегодня около ста стандартов, и знает – значит, играет. Как вы думаете, станет ли джазовым стандартом хоть одна мелодия из нашего продвинутого сегодня – лет, скажем, через десять? Ну да, мне тоже смешно.

А джем-сейшен? Люди, незнакомые друг с другом, никогда не игравшие вместе, а иногда и ненавидящие друг друга, выходят на одну сцену и творят музыку вместе, уступая друг другу дорогу, прислушиваясь друг к другу, перекликаясь, соревнуясь, споря, сливаясь в общий хор, и нет между ними барьеров – ни возрастных, ни языковых, ни социальных. Где еще возможно такое?

Пульс джаза, его магия – свинг. Его нельзя записать на ноты, его можно только или чувствовать, или нет. Свинг – это то, что заставляет сердце неровно биться, когда вдруг понимаешь, что смертельно влюблен или стоишь на краю обрыва. И человек, ощутивший однажды вкус свинга, уже никогда не испытает былого восхищения от ровненько расфасованных пастилочек попсы или рок-н-ролла, ибо всё познается в сравнении.

И еще – джаз можно только полюбить. Разлюбить его невозможно.

Ну что – идем вечером на джаз?

Звонок телефона в осеннем лесу

История эта случилась много лет назад. Неожиданно в самом конце сентября на исходе сезона вдруг пошли опять. Люди несли мимо моего дома полные корзины, и я не выдержал. Я разгреб дела, освободил полдня и пошел в лес, благо лес был через дорогу. Со мной отправилась моя знакомая девушка – кажется, это я ее уговорил.

Я обожаю ходить в лес. Не только в лес – мне необходима дикая природа. И если на протяжении полугода я до нее не добрался – я болею. В лесу, на воде, под водой со мной что-то происходит на биологическом уровне – я заряжаюсь, как батарейка, а голова начинает работать сама по себе, не отвлекаясь на окружающие глупости и звуки, и слышит только то, что ей надо слышать. Поэтому девушка в данном контексте была совершенно необязательна – просто так уж получилось.

Стояла пасмурная безветренная погода. Было прохладно и так тихо, как бывает тихо лишь в осеннем лесу: птицы уже не поют, комары не зудят, и шаги твои по опавшей листве звучат неестественно громко, а от звука падающего желудя вздрагиваешь, как от выстрела. Опят оказалось не так много, как я предполагал, и ушли мы довольно далеко. Девушка на поверку оказалась совсем не лесной породы, грибы собирать не умела, боялась заблудиться и при этом всё время исчезала куда-то из поля зрения. В конце концов она потеряла свой дорогой красивый мобильник и очень расстроилась. Выходило, по ее предположениям, что случилось это далеко отсюда, когда она склонилась над каким-то мухомором. Надежды вернуться и найти именно это место не было никакой. И тогда я достал свой телефон и набрал ее номер. И где-то на самом краю земли, еле прорываясь сквозь вселенскую тишину осеннего леса, защелкнулся веселенький звоночек. Он доносился из таких далей, что поначалу направление определить было почти невозможно. Пришлось разделить окружающее нас пространство пополам, а потом еще пополам. Я шел на звук и молил бога, чтобы в звонящем телефоне не сдохла батарейка. Минут через пятнадцать я вышел прямо на него: он лежал, зарывшись в бурые листья, и из последних сил мигал зелененьким.

Вот удивительно: и дома, в котором я жил, уже давно нет, и девушка та бог знает где, а я до сих пор вспоминаю эту картину – еле слышный далекий звонок телефона в осеннем лесу.

В зимнее время года

Я понял наконец, за что я так не люблю зиму. Просто я сам себе зимой не нравлюсь. Вернее, нравлюсь еще меньше, чем в теплое время года. Я начинаю отвратительно себя вести. Масса вещей вдруг становятся – необязательными, что ли? Например, подарил друг-музыкант свою новую пластинку. И музыкант хороший, и пластинку хвалят, и летом я бы ее завел тут же весь в нетерпении, а вот лежит она у меня вторую неделю нераспечатанная. Возьму в руки и положу обратно на стол: не хочу. Да и стол рабочий давно надо бы разгрести: банки с краской, бумага, мусор какой-то – работать не сядешь. Не хочу. Постоишь над ним, вздохнешь – и пошел на кухню. Ничего не хочу.

Отчасти дело, видимо, в коротком дне. Мало того что он короткий, – он еще и сокращается, и это особенно противно. Обычный дневной замах не уместается в это шестичасовое относительно светлое время суток, называемое по привычке днем. Только разогнался – а уже стемнело. Всё – садись, пей. Чукчи думают, что человек произошел от медведя. У меня в предках явно был медведь. Может быть, шатун. Потому что впасть в полноценную спячку всё-таки не получается – среда не отпускает и не до конца позволяет физиология. Давняя неосуществленная мечта: выяснив у секретных метеослужб предполагаемую дату первого снега, накануне погрузиться в самолет с минимальным набором необходимого и улететь туда, где люди всю жизнь ходят в майках и шортах и снег этот видели только в американском фильме ужасов «Послезавтра». А домой можно вернуться в конце апреля, когда этот самый снег уже сошел, вокруг вовсю орут птицы и весна просто висит в воздухе. Как-нибудь обязательно попробую.

И вдруг! Какого-нибудь двадцать шестого декабря (еще и Новый год не наступил!) ты вдруг понимаешь, что день стал на минуту длиннее! Минута – пустяк, но завтра добавится еще одна! А послезавтра – еще! Делишки-то идут к весне! И всё, оказывается, такой ерунды вполне достаточно. Раскопал на столе пластинку, распечатал, послушал – отличная пластинка! Разгреб стол, сел рисовать. Хорошо! А потом Новый год просвистит молниеносно, числа третьего выйдешь на улицу – а все разъехались, каникулы. Дороги пустые. Сел в машину, едешь себе. Не важно куда. Просто хорошо. Едешь и думаешь: «Делишки идут к весне!»

Думаете, психика, да?

И снова о пьянстве

Вообще мне кажется, что эпоха эпического, былинного пьянства в нашей стране уходит в прошлое. Возможно, я ошибаюсь. Возможно, сужу только по тому, что вижу (хотя вижу немало). Возможно.

В тысяча девятьсот семьдесят третьем году в Пскове (мы, студенты архитектурного, проходили там практику по живописи) я видел незабываемую картину: город был поголовно пьян. Причем пьян не в смысле «выпимши», а в стельку – на грани физического падения. Пьяны были мужчины, женщины, старики и старухи. Детей в поле зрения не наблюдалось. Это был день получки. При всём при этом никакой радости от выпитого в атмосфере не ощущалось – в воздухе висела тяжелая тупая агрессия. Я чудом добрался до нашей общаги: раза три меня по дороге натурально могли убить – просто за то, что трезвый.

В эти же годы случилась со мной история, заставившая впоследствии задуматься о мистической составляющей присутствия водки в нашей жизни. Летом мы небольшой компанией ходили в путешествие по Карелии – до Петрозаводска на поезде, там на «Ракете» до Великой Губы, а дальше – своим ходом. Места там были потрясающие – нехоженые леса, озера с темной прозрачной водой, брошенные и вымершие сразу после революции деревни с огромными резными избами и деревянными церквями. Не думаю, что вся эта красота дожила до наших дней – уже тогда эти избы рассыпались от прикосновения. Боюсь, сегодня там стоят коттеджи и охотничьи базы.

Мы приехали на вокзал загодя – минут за тридцать до отхода поезда. Затащили в плацкартный вагон рюкзаки, палатки и лодку, и тут я, леденея, понял, что сумка с шестью бутылками водки осталась дома – я прямо увидел, как она стоит на полу в прихожей. Не подумайте только, что мы ходили в Карелию, исключительно чтобы жрать там водку – в ходе путешествия мы должны были остановиться у местного пастуха Женьки, а он без водки терял всякую способность к человеческому общению. Как поступил в этой ситуации я? Я, развив максимальную скорость, выбежал на площадь трех вокзалов, вскочил в такси (нынешние пробки нам тогда, по счастью, и не снились), доехал до своего дома на Комсомольском проспекте, влетел на седьмой этаж, обнаружил, что ключи от квартиры остались в рюкзаке, поцеловал замок, скатился вниз, впрыгнул в то же такси, доехал до вокзала и умудрился вскочить в поезд в тот самый момент, когда он тронулся. Спустя мгновение я, еще не отдышавшись, вспомнил, что седьмую – последнюю! – бутылку водки я собственноручно засунул в мешок с резиновой лодкой. Я потянул за мешок, лежавший на третьей полке, бутылка выскользнула, пролетела мимо моего лица, ударилась об пол и разбилась с характерным звуком. Не буду описывать взгляды и реплики моих товарищей – я сейчас о другом: как в этой ситуации требовала поступить логика? Ну забыли сумку – бывает. Ну нашли бы в Петрозаводске магазин, ну отстояли бы часовую очередь, ну купили бы водки (мы так и сделали, деньги были). Да и забытая дома водка не прокисла бы (а она и не прокисла). Что же сподвигло на такой нелогичный и даже рискованный поступок? Боюсь, что там, где дело касается водки, логика отступает, включаются какие-то иные законы. Говорю как человек, испытавший это на себе.

Несколько лет назад (на самом деле уже довольно давно) мои друзья ходили на байдарках по речке Сухоне – речка эта протекает недалеко от Вологды и уходит в совершенную глухомань. Там она становится довольно неприветливой – берега ее обрывистые, глинистые и вязкие, глубина приличная и течение достаточно сильное. По берегам встречаются нищие деревни с сильно пьющим населением. Иногда в этих местах мои друзья делали привал.

Одна такая деревня показалась им странной – они даже вначале не поняли, в чем дело. Потом сообразили: в деревне, довольно большой, не было мужиков. Совсем. Были бабы, бабки,

молодухи и даже дети. А мужиков не было. Ребята спросили хозяйку, у которой остановились, – что здесь произошло? И вот что они услышали.

В самом конце зимы в деревенский магазин везли на санях продукты по льду через речку. В числе продуктов находилась пара ящиков водки. Сани попали на промоину, провалились под лед со всем товаром, ящики ушли на дно. С тех пор деревенские мужики, выпив и не допив, шли нырять в речку – искать водку. Они утонули. Все до одного. В течение года.

Красиво, правда?

Кстати, по поводу зависти. Я вообще очень независтливый человек – как-то некому и нечему было завидовать. Но однажды я точно испытал острое чувство зависти. Шел семьдесят девятый год, я только-только познакомился с Леной Ярмольником, и он позвал меня в гости. Жил он по тем временам весьма шикарно – у него был японский телевизор из «Березки», всякие модные штуки и главное – бар. В мебельной стенке откидывалась дверца, там была подсвеченная лампочками ниша с зеркалом сзади, стояли разные заграничные бутылки и бокалы. И самое главное и невероятное – приходили гости, пили из этого бара, уходили, а в баре оставались напитки! Представляете? У меня это не укладывалось в голове. Ко мне тоже часто приходили гости, но никто не уходил, пока на дне хоть одной бутылки оставалась хоть капля – неважно чего. Бар меня потряс. Дома я освободил часть полки от книг – полка была с дверцами, и бар оказался почти готов. Я наполнил его чем мог, долго передвигал внутри бутылки и стаканы – для красоты. В первый же приход друзей с баром было покончено. Я и не ждал чуда – пошел, закупил что смог, и восстановил красоту. Бар прожил еще два дня – до прихода друзей-музыкантов. Я не сдавался и наполнял его снова – не считаясь с расходами. Как говорил мой друг Миша Генделев – надо приглашать в дом приличных людей, а не всякую гопоту.

Шли годы. Сейчас у меня давно уже не то что бар – буфет. И гости уходят, а напитки остаются. Вот только былой радости нет. Вернее, радость есть – былой нет.

К Бабе-яге

Надо сказать, из всех мифических народных персонажей меня в детстве более всего занимала Баба-яга. Может быть, потому что играл Бабу-ягу в киносказках артист Милляр. Артист был дяденькой, и это казалось забавным, хотя играл он очень достоверно. Однако шли годы, и в этой мужской имитации женского стало мне видеться нечто большее.

Личность Бабы-яги окутана мраком. Живет в лесу совершенным особняком, в избушке, способной поворачиваться к гостю передом, к лесу задом, летает в ступе, поколдовывает, периодически грозит и даже пытается съесть народного героя Иванушку, но так ни разу у нее ничего и не выходит, из чего мы заключаем, что персонаж она скорее диковинный, но не страшный – не Змей Горыныч. А то еще поможет путнику – то травки колдовской даст, то дорогу укажет.

Итак, начнем с имени. Что-то не припомню я такого русского женского имени – Яга. Однако приходит на ум вполне близкое слово «йог». Теперь – «баба». Если сместить ударение с первого слога на второй – получаем «баба», что на хинди означает «святой» (вспомните – Саи Баба, Баба Вире Синх и т. д. Это высокое звание давали в Индии просветленным и чародеям. И вот перед нами Баба Йог, неизвестно какими путями попавший из знойной Индии в таежную заснеженную Россию. Вспомним внешний облик бабушки: смуглая кожа, исключительная худоба, скажем так, неславянский профиль, густые длинные космы. Бабушка ли? В святых местах Индии видел я таких бабушек сотни, только были они дедушки. И артист Милляр изобразил бы любого без усилий. Желание кутаться в лохмотья тоже вполне объяснимо – не Бомбей, холодно. В наших-то лесах.

Теперь – ступа. Вы давно видели ступу? Летать в ней крайне неудобно – еще более неудобно, чем на метле. Но метла – это европейская история, и сейчас мы ее касаться не будем. Рабочее отверстие в ступе очень узкое, туда с трудом можно попытаться засунуть одну ногу – даже очень худую. Вспомним, однако, что слово «ступа» имеет еще одно значение – это культовое буддийское сооружение, каменный купол, в основание которого заложена крохотная часть тела Будды – скажем, волос или ноготь. Служит для вознесения молитв и медитации.

Не знаю, как вы, а я легко представляю себе Бабу Йога, поселившегося подальше от духовно неблизкой ему русской жизни, построившего ступу и левитировавшего над ней.

У аборигенов должен он был вызывать ужас, смешанный с уважением. А также легкую иронию – потому как истинный йог ни на какое зло не способен.

Всё про Бабу-ягу, правда?

Осталось представить себе, как наш йог залетел на бескрайние российские просторы. Вариантов тут масса – начиная от модели «арап Петра Великого» и заканчивая способностью продвинутого йога перемещаться в наших грубых материальных пространствах. Я допускаю оба варианта.

Немного о сострадании

Концерты «Машины времени» планируются задолго – за несколько месяцев. За пять дней до концерта в Москве – землетрясение в Японии, цунами, разрушен реактор, тысячи жертв. Решаем посвятить наш концерт пострадавшим в трагедии, отдать свои гонорары, собрать пожертвования в зале – обычная история, всё понятно. Времени на какую-то специальную подготовку уже нет, спешно проводим пресс-конференцию – не для того, чтобы рассказать, какие мы хорошие, а чтобы попытаться подать пример – мы же не одни такие, в конце концов. Собранные средства хотим передать посольству Японии – напрямую. В день концерта ставим в центре зала большую коробку с перебинтованным японским флагом – подходите, бросайте кому сколько не жалко.

Перед началом концерта – куча журналистов. наших и японских. Японцы благодарят, одна девушка задает вопросы, плачет и смеется одновременно – никогда не забуду. Наши (все на подбор – юные красавицы) начинают беседу с одного вопроса. Угадайте, с какого. Спорим, не угадаете – вы же нормальные люди, я уверен. А вопрос звучит так: «Скажите, а почему вы помогаете Японии?» Первой нимфе я с удивлением объясняю, что если кому-то рядом вдруг стало плохо, а ты в состоянии помочь – надо помочь, правда? Это же нормально – по-человечески, по-христиански, в конце концов. Особого понимания в глазах не вижу. Второй птице мне на этот вопрос отвечать уже труднее – чувствую себя в плену у марсиан. На четвертой не удержался – камера в одну сторону, микрофончик в другую, слезы, крик, милиция... Шучу. Удержался. Но очень хотелось. Для пробуждения нормальных человеческих чувств.

А на концерте всё было хорошо – и на минуте молчания никто не проронил ни звука, и деньги в нашу коробку несли и кидали – мне со сцены всё видно. И приехал лично посол и сказал теплые слова, и мы ему передали всё собранное.

Рано утром на следующий день улетаем на гастроли, поспать удалось часа три. Поднимаюсь по трапу – звонок: «Андрей Вадимович, я из «Доказательств и правды», нам очень нужно ваше интервью!» По голосу – такая же птичка, щебечет. Ладно, давай по телефону. «В последнее время Боно и Юрий Шевчук проявляют политическую активность. Почему вы не проявляете?» Девушка, идите в жопу. Отключился. Неудобно, грубо. Нельзя так всё-таки с девушками. Звонок. «Андрей Вадимович, не сердитесь, пожалуйста, – работа у нас такая!» Смотри-ка, не обиделась. «Только один вопрос, пожалуйста! Почему вы помогаете Японии?»

Нет, всё-таки в жопу. Лю-ди!!!

Я очень не любил Советский Союз. Но там нас в детстве учили правильным вещам – упавшему надо помочь подняться. А потом в телевизоре появились очень дорого снятые игры, где упавшего надо было добить. Сообща. За миллион рублей. Но вот странно: мы эти игры срисовали с западных (не сами же придумали, в конце концов) – а сострадание в этих западных странах не умерло и не умирает. В чем дело?

Есть одно утешение – скоро исключительно идиоты будут брать интервью у идиотов для идиотов – и гармония восторжествует.

Хоть так.

Нечаянная радость

Или, скажем, так: ты уже знаешь, что там, куда ты летишь, будет тепло и солнечно, и даже зимнюю куртку оставил в машине в Шереметьеве, и всё равно – выходя на трап, задыхаешься от того, насколько тепло и солнечно, и как пахнет морем, потому что вот оно, море, и от того, какое над всем этим синее небо. Над Москвой никогда не бывает такого синего неба, даже когда оно синее, мы смотрим в Москве на небо через мутный слой выхлопных газов и еще всем этим дышим, и думаем, что вот оно, синее небо, а оно на самом деле совсем не такое! Не знаю, как на вас, а на меня наличие или отсутствие солнца над головой влияет со страшной силой. По-моему, серое дождливое утро – уже повод начать войну. А от солнца люди делаются лучше и добрее. И сразу хочется гулять.

Я очень люблю гулять по городу. Без определенной цели, никуда не торопясь. Украдкой разглядывать прохожих, заходить в магазины, если вдруг увидел в витрине что-то диковинное, останавливаться в уютных кафешках, чтобы махнуть рюмочку – чуть-чуть. Я люблю это делать и на родине – особенно в мае, когда листья распускаются, асфальт сухой и девушки скинули лишнюю одежду, скрывающую красоту: как бабочки вылупились из куколок. А только на родине по понятным причинам я этого удовольствия практически лишен. Пожалуй, только поэтому я люблю бывать за границей.

Поверьте, я не кокетничаю. Когда-то, в юные годы, на самой заре известности, мне очень даже нравилось, что меня узнают: идешь по стриту, а девушки провожают тебя такими особенными взглядами. А вот сегодня от этого очень портится настроение. И даже не оттого, что теперь это в основном не девушки, – просто беспардонное вторжение в твое личное пространство раздражает. Двух-трех человек я еще выдерживаю, а потом праздник бесповоротно заканчивается.

С москвичами, кстати, последние пару лет стало легче: узнают, конечно, но не бросаются на тебя с дикими криками и фотоаппаратом наперевес. То ли уровень культуры вырос (хотя с чего бы?), то ли уровень общего пафоса: подумаешь, артист, у нас тут все артисты. Меня, в принципе, устраивает и то и другое. К несчастью, в Москве масса приезжих.

Узнавание в разных местах проявляется по-разному. В Одессе, как правило, деликатно – неслышный подход сзади, негромко на ухо: «Или я ошибся?» Гражданин средней полосы России, не искалеченный цивилизацией, ведет себя необъяснимо одинаково: он догоняет тебя, забегает вперед, останавливается в нескольких метрах, чтобы ты не мог достать его ни рукой, ни ногой, и, указывая на тебя перстом, как можно громче произносит: «Макаревич!» Причину такого поведения я объяснить не могу. Возможно, он хочет поделиться неожиданным счастьем с человечеством. Здесь очень важно не сбиться с шага и не позволить дрогнуть ни одному мускулу лица. Тогда он может подумать, что обознался. В противном случае придется останавливаться, расписываться ему на сторублевке, потом фотографироваться, причем просить, чтобы он не клал руку тебе на плечо – мы не настолько знакомы, – а за это время набегут еще четверо таких же. Жена моя удивляется – почему у меня такая быстрая походка? А вот поэтому.

Причем наши люди остаются нашими людьми везде. Артист Укупник рассказывал, как однажды он решил прогуляться по Брайтон-Бич. Неожиданно кто-то сзади плотно взял его голову двумя руками и резко развернул на сто восемьдесят градусов, чуть не свернув шею. Одновременно Аркадий услышал крик: «Изя, снимай скорее, пока я его держу!»

А вчера в аэропорту одна очень красивая девушка просто взяла и улыбнулась чудесной улыбкой. Всего-то навсего.

Господи, как хорошо!

Оборотень

История эта, абсолютно подлинная, произошла пятнадцать лет назад и уже была описана ее участником режиссером Александром Стефановичем в одной из его книг. Но, будучи человеком, не лишенным способности к художественному вымыслу, он несколько видоизменил ход событий. Я же предоставляю вам возможность ознакомиться с тем, как всё происходило на самом деле. Мне кажется, события эти не нуждаются в приукрашивании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.